

Николай Семенович Черушев
Жизнь военной элиты. За
фасадом благополучия. 1918–1953
Серия «Историческое расследование (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653499
Жизнь военной элиты. За фасадом благополучия. 1918–1953: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2269-4, 978-5-4444-8184-4

Аннотация

Эта книга расскажет о повседневной жизни военной элиты Красной армии в нелегкое время первой половины XX века. За фасадом видимого благополучия терялись человеческие судьбы, происходили трагические события. На страницах книги читатель найдет уникальную информацию о различных этапах служебной деятельности советских военачальников, о их любовных историях и подлых доносах, о страданиях в годы Большого террора.

Содержание

Предисловие	5
Командиры и комиссары	6
Политические колебания	12
Кадры бывают разные	19
По чину и заслугам	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Николай Черушев
Жизнь военной элиты.
За фасадом благополучия

© Черушев Н. С., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Предисловие

Замысел написать эту книгу вызревал у автора по мере изучения документов и материалов о репрессированных военачальниках в годы Большого террора в СССР. В архивных документах, в обращениях арестованных и членов их семей в различные инстанции, в их частной переписке и рассказах встречается немало интересных фактов и событий, отражающих их взаимоотношения на различных этапах служебной деятельности и повседневной жизни. Но они, эти факты и события, по тем или иным причинам не вошли в ранее изданные автором книги. Из этих материалов видно, что военачальники РККА занимались не только вопросами стратегии и тактики, проблемами обучения и воспитания подчиненного личного состава, но в то же время любили и страдали, обижались на несправедливые решения начальства, конфликтовали с коллегами, завидовали более удачливым сослуживцам. Факты эти самого различного уровня и содержания, они происходили как в 20-е, так и в 30-е гг. прошлого столетия. Может быть, некоторые из них не представляют большой исторической ценности и значимости, но автор считает, что важно знание не только официальной стороны (фасада) истории, но и закулисной («кухни») составляющей тех или иных ее событий. Их подача построена на строго документальной основе с указанием первоисточников. Поэтому введение дополнительного пласта знаний о событиях и людях РККА непременно пополнит исторический и научный багаж темы о репрессиях и репрессированных военачальниках – темы, до сих пор вызывающей интерес историков и заинтересованных читателей.

Источниковая база книги – военные архивы, прежде всего архив Московского городского военного комиссариата (МГВК), архив Главной военной прокуратуры (АГВП), а также изданная литература. Большинство приводимых в книге фактов автор взял из пенсионных дел, хранящихся в МГВК (они заведены для выдачи пенсии членам семей погибших и умерших военачальников). В настоящее время многие из этих дел уничтожены по акту за давностью лет и минованием надобности в их хранении (ухода из жизни получателя пенсии). Так теряются, уходят в небытие интересные документы, которые могли бы послужить сюжетами книг и сценариев фильмов о замечательных людях минувшей эпохи. Автору удалось некоторые из этих документов скопировать и сохранить.

Автор благодарит всех тех, кто по мере сил помогал ему в период сбора и обработки материала, и прежде всего Р. Н. Черушеву, Ю. Н. Черушеву, Э. Н. Чукину, А. Г. Чукина, А. Ю. Гурскую, И. А. Чукина, сотрудников пенсионного отдела МГВК.

Командиры и комиссары

Еще со времен Гражданской войны сложилось так, что в частях и соединениях (полках, бригадах, дивизиях, корпусах) войсками руководили почти на равных два человека – командир и комиссар. И так продолжалось довольно длительное время. Такое положение дел имеет свое объяснение.

Как известно, в 1917 г. в России старая армия приказала долго жить, распалась, разложилась и потому была распущена (демобилизована). Но угроза иностранной военной интервенции оставалась налицо – Россия находилась в состоянии войны с Германией и ее союзниками. И Советскому правительству пришлось принимать срочные меры по защите территории страны, причем значительно уменьшившейся по размерам. Поначалу Красная Армия строилась на добровольном принципе ее комплектования, от которого спустя некоторое время пришлось отказаться из-за невозможности создания массовых регулярных вооруженных сил. Как выход из положения необходим был переход к всеобщей воинской повинности трудящихся масс. На этой основе началось формирование первых регулярных полков и дивизий.

Большие трудности при формировании частей и соединений Красной Армии возникли в связи с нехваткой командных кадров. Подготовленных в военном деле командиров из рабочих и крестьян было недостаточно, а вновь открывшиеся командные курсы не успевали покрывать некомплект начсостава в войсках. Офицеры же старой армии, которых можно было привлечь на службу в армию, не пользовались доверием широких революционных масс. И все же их пришлось привлекать для службы в РККА. Была объявлена мобилизация офицеров старой армии (военных специалистов), а некоторая их часть вступила в Красную Армию добровольно. Как правило, военные специалисты использовались на командных должностях, в штабах, в качестве инструкторов и преподавателей в военно-учебных заведениях.

Для контроля за деятельностью военных специалистов, а также для политического воспитания личного состава, организации административной и хозяйственной деятельности частей и соединений, решения всех вопросов боевой и оперативной деятельности был введен институт военных комиссаров. Военный комиссар являлся полномочным представителем Коммунистической партии и Советской власти в РККА. С введением института военных комиссаров ни один приказ без их подписи не подлежал исполнению. В то же время комиссары не только контролировали соответствующих командиров, но и воспитывали у красноармейцев доверие и уважение к ним, а военспецы – бывшие офицеры и генералы в этом нуждались.

Взаимоотношения между командиром и комиссаром складывались по-разному. Это зависело от многих причин как с той, так и с другой стороны. Чаще всего бывало, что стороны срабатывались, находя общие точки соприкосновения и общих интересов. Но бывало и так, что или командир, или комиссар не шел на уступки, на компромисс, отыскивая общую точку зрения, не затрагивая при этом принципиальных вопросов. Тогда таких «соратников» приходилось разводить. Нередко бывало и так, что командир попадал в сферу влияния комиссара с сильной волей и шел у него на поводу. Редко, но бывало и наоборот.

Вспомним взаимоотношения начдива В. И. Чапаева с комиссаром Клычковым (под этим именем в романе его автор Д. Фурманов вывел себя). Правда, в данном случае В. И. Чапаев не был в старой армии офицером, а был всего лишь подпрапорщиком, т. е. сверхсрочником, но он получил соответствующую армейскую подготовку и закалку и поэтому недалеко ушел от младшего армейского офицера.

Дмитрий Фурманов, т. е. Федор Клычков, готовясь к совместной работе с командиром-самородком Чапаевым, наметил целую систему взаимоотношений с ним: «...избегать вначале разговоров чисто военных, чтоб не показаться окончательным профаном; повести с ним политические беседы, где Федор будет бесспорно сильнее; вызвать его на откровенность, заставить высказаться по всем пунктам, включительно до интимных, личных особенностей и подробностей; больше говорить о науке, образовании, общем развитии, – и тут Чапаев будет больше слушать, чем говорить. Потом... потом зарекомендовать себя храбрым воином, – это уже непременно и как можно скорее, ибо без этого все в глазах Чапаева, да и всех, пожалуй, красноармейцев прахом полетит: никакая тут политика, наука, личные качества не помогут!.. Только потом, когда Чапаев будет «духовно полонен», когда он сам будет слушать Федора, может быть, чему-нибудь у него учиться, – лишь тогда идти ему навстречу...

Все эти приготовления Клыčkкова отнюдь не были пустяками, они помогли ему самым простым, коротким и верным путем войти в среду, с которой начинал он работать, а во имя этой работы – срастись с нею органически. Он не знал еще, где будут границы «срастания», но отлично понимал, что Чапаев и чапаевцы, вся эта полупартизанская масса, и образ ее действий – такое сложное явление, к которому зажмурившись подходить не годится...»¹

Федор Клычков, т. е. Фурманов, правильно выбрал тактику своих отношений с Чапаевым, и результаты были самые положительные. Спустя непродолжительное время начдив Чапаев очень не хотел, чтобы Клыčkкова (т. е. Фурманова) забирали от него, даже с повышением в должности. Об этом в романе сказано так: «...Напрасно Чапаев посылал слезные телеграммы, просил командующего, чтобы не забирали от него Федора, – ничто не помогло, вопрос был предрешен заранее. Чапаев хорошо сознавал, что за друга лишился он с уходом Клыčkкова, который так его понимал, так любил, так защищал постоянно от чужих нападков, относился разумно и спокойно к вспышкам чапаевским и брани – часто по адресу «верхов», «проклятых штабов», «чрезвычайки», прощал ему и брань по адресу комиссаров, всякого «политического начальства», не кляузничал об этом в ревсовет, не обижался сам, а понимал, что эти вспышки – вспышками и останутся...»²

Итак, мы видим, что Чапаев считал Федора Клыčkкова (читай Дмитрия Фурманова) своим другом. А развела этих друзей женщина – Анна Фурманова. Начдив Чапаев увлекся женой комиссара, работавшей в политотделе дивизии заведующей его культурной частью. И это, естественно, комиссару Фурманову не понравилось. Начались стычки, склоки, и высшее командование поспешило развести этих людей. А если точнее, то Дмитрий Фурманов был переведен на другую политическую должность там же, в Туркестане, уехав туда вместе с женой.

Пример служебных взаимоотношений начдива 25-й стрелковой В. И. Чапаева с военным комиссаром дивизии Д. А. Фурмановым относятся к годам Гражданской войны. Однако основополагающие положения этой схемы оправдавших себя отношений нашли свое отражение в руководящих документах и в последующий период.

В «Положении о комиссарах Красной Армии и Флота» (от 3 января 1922 г.) говорится:

«...6. Во всей своей деятельности, работая рука об руку с командиром, комиссар должен постоянно стремиться к повышению авторитета командира, содействуя ему во всем и памятуя, что в боевой обстановке последнему придется непосредственно руководить красноармейцами, а потому он должен пользоваться необходимым доверием их.

7. Постоянно помня, что задачей Советской власти в области военного строительства является установление единоличного командования, комиссар должен, с одной стороны, все-

¹ Фурманов Дм. Чапаев. М., 1961. С. 67–68.

² Там же. С. 319.

мерно вовлекать командира, с коим связан, в сферу коммунистических идей, а с другой стороны, сам должен внимательно изучать под руководством командира военное дело, дабы с течением времени занять командную или административную должность»³.

Таким образом, партия определила курс на единоначалие, т. е. на сужение полномочий и сферы влияния комиссаров в армии и на флоте. Отметим, что первые попытки в этом направлении были сделаны еще во время Гражданской войны. Тогда небольшому числу начальников дивизий действующей армии из числа коммунистов были предоставлены и права комиссаров. Этот первый опыт перехода к единоначалию был проведен в войсках 5-й армии, а в качестве командиров-единоначальников выступили В. К. Блюхер, Я. П. Гайлит, К. А. Нейман, В. К. Путна (соответственно начальники 51, 26, 35 и 27-й стрелковых дивизий). Однако исторические условия не позволили тогда повсеместно претворить в жизнь принцип единоначалия. Для этого требовалось создать целый комплекс предпосылок, важнейшая из которых – наличие подготовленных кадров, способных взять на себя всестороннее – военное и политическое – руководство войсками.

Как правило, на практике в большинстве случаев между командиром и комиссаром устанавливался режим мирного сосуществования, т. е. каждый отвечал за свой участок работы (по принципу «кесарю – кесарево»). Хотя бывали и случаи, когда военный комиссар вмешивался в дела, относящиеся к компетенции командира, пытаясь подменить последнего. Как это произошло в 18-й стрелковой дивизии между начдивом А. Г. Ширмахером и военкомом И. Ф. Ткачевым. Из аттестации на А. Г. Ширмахера, подписанной командиром 9-го стрелкового корпуса М. Д. Великановым: «...Не обладая твердой волей и решительностью, часто находился под влиянием лиц, его окружающих, имеющих указанные качества... Для иллюстрации укажу, что во время командования 18-й стрелковой дивизией тов. Ширмахер находился под влиянием военкома тов. Ткачева, который, обладая сильной волей, подчинил его своему влиянию...»⁴

В целях подъема политического уровня командного состава Реввоенсовет СССР в январе 1923 г. установил для командиров Красной Армии обязательный минимум политических знаний⁵. Таким образом участие в политической работе с личным составом становилось частью служебной деятельности командира РККА. Довольно успешно решалась и другая задача – подъем военной квалификации политического состава. Многие политработники частей и соединений окончили различные курсы повышения квалификации (ВАК при Военной академии РККА, курсы «Выстрел» и др.), что позволило им более успешно справляться с обязанностями в современных условиях, а также послужило стимулом для перехода на командную работу (см. главу «Из политработников в командиры»).

Однако часть высшего и старшего политсостава армии возражала против перехода на полное единоначалие. Они не считали единоначалие важным принципом строительства вооруженных сил, не видели политической целесообразности его полной формы. Вот они, эти политработники, и получили название «внутриармейской оппозиции» или «белорусско-толмачевской оппозиции». Это был своего рода «бунт на корабле» – т. е. несогласие полномочных представителей партии в армии с ее генеральной линией по важнейшему вопросу военного строительства. Событие случилось не рядовое, оно было из ряда вон выходящее. А в качестве инициатора «внутриармейской оппозиции» выступили слушатели и преподаватели Курсов усовершенствования высшего политсостава при Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева (ВПАТ). В октябре 1927 г. они открыто высказались против единоначалия. А еще через месяц эти политработники обратились в Политуправление РККА

³ Партийно-политическая работа в Красной Армии. Документы. 1921–1929. М.: Воениздат, 1981. С. 57.

⁴ Московский городской военный комиссариат (МГВК). Архивно-пенсионное дело (АПД) А. Г. Ширмахера. Л. 12.

⁵ Партийно-политическая работа в Красной Армии. Документы. 1921–1929. С. 125–126.

с письмом, в котором выражали свое несогласие с проводившейся военной практикой партии. Копии этого письма были разосланы в другие военные округа, в том числе Украинский, Белорусский и др.

Позицию слушателей ВАК поддержали также многие преподаватели ВПАТ и слушатели ее основных факультетов.

На общеакадемическом партийном собрании, состоявшемся 15 марта 1928 г., с докладом о состоянии и очередных задачах партийной работы в армии выступил начальник академии Я. Л. Берман. В докладе давалась оценка командного состава РККА на тот период, подчеркивалась его неспособность к политическому руководству войсками (по сути, это было противопоставление командиров политсоставу), приводились примеры неудачного проведения в жизнь единоначалия. Собрание приняло резолюцию, многие пункты которой шли вразрез с позицией руководства партии армии. В резолюции критиковалась практика проведения в жизнь единоначалия, говорилось об отрыве командного состава от красноармейцев, о невысоком уровне политико-морального состояния РККА. Через два дня после этого собрания на совещании политсостава частей и соединений Ленинградского гарнизона была принята резолюция, в своей основе схожая с решением коммунистов ВПАТ, но только с более усиленными нападка на единоначалие и командный состав.

Попытку примирить командиров и политработников сделало 2-е Всеармейское совещание секретарей партийных ячеек (март 1928 г.), которое особо отметило, что сложные задачи, стоящие перед Красной Армией, настоятельно требуют дружной и сплоченной работы всего командного и политического состава. «Командир и политработник, – отмечалось в резолюции совещания, – обязаны в полной мере сознавать высокую политическую ответственность каждого из них за совместную дружную работу по укреплению РККА»⁶.

Но погасить огонь недовольства среди высшего и старшего политсостава удалось не сразу, и прежде всего в стенах Военно-политической академии. Например, 21 апреля 1928 г. там состоялось общее партийное собрание, на котором с докладом об итогах 2-го Всеармейского совещания секретарей партийных ячеек выступил начальник Политуправления РККА А. С. Бубнов. Но даже ему, опытному организатору и трибуну, не удалось переломить обстановку в академии в лучшую сторону. Фактически всю первую половину 1928 г. в стенах ВПАТ шли жаркие дебаты между сторонниками и противниками единоначалия.

Одновременно с ВПАТ действовал и второй центр «внутриармейской оппозиции» – в Белорусском военном округе, где значительная часть высшего политсостава, состоявшая главным образом из военкомов и начальников политорганов дивизий и корпусов, с самого начала введения единоначалия отнеслась к нему отрицательно. Там 23 мая 1928 г. на совещании руководящего политсостава округа с докладом об итогах зимнего периода учебы выступил член РВС и начальник политуправления БВО М. М. Ланда, разделявший взгляды противников единоначалия. Многие участники совещания также были его противниками. Поэтому не удивительно, что такие взгляды нашли свое отражение в принятой резолюции. Данную резолюцию белорусские «оппозиционеры» разослали в другие военные округа с целью поддержки их позиции по вопросу единоначалия. Такую поддержку удалось получить у части политсостава Украинского военного округа. Не удовлетворившись устной пропагандой, М. М. Ланда и его сподвижники организовали в ряде крупных гарнизонов округа (Смоленском, Минском, Могилевском, Витебском) «провал» командиров-единоначальников на выборах в местные партийные и советские органы.

Политуправление РККА, обеспокоенное обстановкой в армии, в первую очередь в Белорусском военном округе, организовало повторное совещание руководящих политработников округа. С докладом на нем выступил А. С. Бубнов. Но, как и в Военно-полити-

⁶ «Красная Звезда». 1928. 3 апреля.

ческой академии, его попытки изменить настроение собравшихся, убедить их в ошибочности принятой ими «майской» резолюции успеха не имели. Тогда он пошел самым простым путем – отменил эту резолюцию, объявив ее антипартийной и недействительной.

Вопрос о «внутриармейской оппозиции» обсуждался в ЦК ВКП(б), он в течение трех дней (25–28 июня 1928 г.) был предметом дебатов на пленуме Реввоенсовета СССР, который наметил ряд мер по дальнейшему укреплению единоначалия, укреплению политико-морального состояния личного состава армии и флота. Участников «внутриармейской оппозиции» пленум РВС СССР призвал к пересмотру своих ошибочных взглядов.

А тем временем волна оппозиции единоначалию постепенно стала спадать. Объясняется это тем, что основные «смутьяны» – слушатели старшего курса ВПАТ и слушатели Курсов усовершенствования при ней, – закончив учебу, разъехались по частям и соединениям, получив соответствующие назначения. К тому же в ВПАТ сменился начальник – вместо Я. Л. Бермана пришел А. Л. Шифрес, ранее работавший заместителем начальника политуправления Ленинградского военного округа. А вместо М. М. Ланды на должность члена РВС и начальника политуправления Белорусского военного округа снова был назначен С. Н. Кожевников, уже работавший на этом посту до 1926 г. (он сдавал должность М. М. Ланде).

В отношении некоторых, наиболее активных «оппозиционеров», были сделаны оргвыводы (их уволили из РККА). Остальные остались на местах, но их заставили каяться и признавать свои ошибки. Этому во многом способствовали партийные собрания, а также проведенные во многих гарнизонах собрания партийного актива и совещания политсостава. Постепенно «внутриармейская оппозиция» сошла на нет.

Итоги борьбы с «внутриармейской оппозицией» и задачи по дальнейшему укреплению единоначалия в армии и на флоте нашли свое отражение в документах ЦК ВКП(б), в том числе в постановлении от 25 февраля 1929 г. «О командном и политическом составе РККА», в котором отмечалось: «...Центральный Комитет не может пройти мимо того, что колебания и политические ошибки части высшего политсостава, имевшие место в истекшем году и нашедшие свое наиболее яркое выражение в резолюции части высшего политсостава БВО и в резолюции ВПАТа, в настоящее время решительно осуждены не только всеми армейскими партийными организациями и только что закончившимися военными партийными конференциями, но и почти всеми политработниками, принимавшими то или иное участие во внутриармейской оппозиции 1928 г. Этим еще раз в полной мере доказывается, что Красная Армия имеет в настоящее время вполне партийно выдержанные и идеологически устойчивые кадры политсостава»⁷.

Поражение «внутриармейской оппозиции» объективно способствовало дальнейшему росту авторитета командно-начальствующего состава РККА, расширению и укреплению единоначалия в ней, дальнейшему сплочению командного и политического состава, их дружной совместной деятельности по совершенствованию боевой мощи Красной Армии.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии обороны СССР» от 15 июля 1929 г. отмечалось: «...9. В настоящее время Красная Армия имеет надежный, политически устойчивый, классово выдержанный, с хорошими боевыми качествами начсостав... Считать, что в результате твердого проведения принципа единоначалия произошло общее укрепление частей Красной Армии, укрепление дисциплины в ней, повышение ответственности командного состава за общее состояние частей и повышение его авторитета среди красноармейской массы»⁸.

⁷ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917–1968. М.: Воениздат, 1969. С. 25.

⁸ Там же. С. 260.

Отметим также, что для многих участников «белорусско-толмачевской оппозиции» этот факт их биографии до поры до времени больших последствий не имел. Но только до определенного времени – в 1937–1938 гг. им это припомнили. Участие во «внутриармейской оппозиции» являлось тогда серьезным обвинением и сильно отягощало приговор подсудимых.

Политические колебания

Рассматриваемый в книге советский период времени богат политическими событиями внутри страны и партии. Политические процессы против противников Советской власти всех и всяческих оттенков продолжались несколько десятилетий. Особенно активными они были в середине 30-х гг., хотя и двадцатые годы были не менее насыщенными. Отзвуки этих внутрипартийных событий ее не только активные, но и достаточно инертные участники продолжали ощущать спустя длительное время. «Эхо» внутриармейской оппозиции 1927–1928 гг. отозвалось через десять лет для многих ее сторонников. Например, для бригадного комиссара Л. А. Краузе, военного комиссара 1-го тяжелого авиационного корпуса (ТАК) армии особого назначения (АОН).

ВЫПИСКА

из протокола заседания парткомиссии АОН

№ 24 от 3 сентября 1937 г.

Слушали: Краузе Людвиг Августович, член ВКП(б) с 1919 г., партбилет № 1922142, 1901 года рождения, соцположение служащий, образование среднее, в РККА с 1919 г. Занимаемая должность комиссар ТАК АОН.

Докладывает тов. Кеда. На АПК Краузе присутствует.

Установлено, что тов. Краузе в 1928 г. на совещании старшего и высшего политсостава по докладу начальника ПУОКРа БВО тов. Ланда (М.М.) (в настоящее время редактор «Красной Звезды») о внутрипартийной работе в округе принимал участие в голосовании «белорусской резолюции», которая впоследствии была отменена, как политически вредная. Сам тов. Краузе от этой резолюции отказался и в жизнь ее не проводил. О своем голосовании белорусской резолюции Краузе не скрывал. Также установлено, что Краузе допустил недостаточную бдительность и настороженность в знакомстве с бывшим нач(альником) политотдела спецвойск г. Брянска Поляковым, которого посещал изредка (1935–1936 гг.) как старого знакомого по гарнизону и который впоследствии оказался врагом народа.

Постановили: 1. Считать факт голосования тов. Краузе против исключения из партии Шелудякова не подтвержденным.

2. Считать, что тов. Краузе факт голосования белорусской резолюции не скрывал, о чем было известно при чистке партии в 1929 г. пуокру (политическому управлению округа. – Н. Ч.) МВО и при обмене партийных документов.

3. Указать тов. Краузе на проявление недостаточной классовой бдительности и настороженности в знакомстве с бывш(им) начальником политотдела спецвойск г. Брянска Поляковым, оказавшимся врагом народа.

Вр. отв. секретарь парткомиссии АОН полковник⁹ (кеда)

Прошло всего полтора месяца и партийная комиссия АОН вновь возвращается к делу Л. А. Краузе. Что изменилось, если принимается решение исключить его из партии? Что такого кардинального произошло, если прибегают к высшей мере партийного наказания? Ведь не только же за дружбу с «врагом народа» Поляковым его изгоняют из партии?

⁹ МГВК. АПД Л. А. Краузе. Л. 9.

Оказалось, что круг обвинений Л. А. Краузе значительно расширился и их политическая тяжесть сильно увеличилась.

ВЫПИСКА

из протокола заседания парткомиссии АОН

№ 33 от 20 ноября 1937 г.

Слушали: Краузе Людвиг Августович, член ВКП(б) с 1919 г., партбилет № 1922142 сдан начальнику политотдела 23 АБ (авиационной бригады. – *Н. Ч.*), 1901 года рождения, социальное положение служащий, образование среднее, в РККА с 1919 г., занимаемая должность врид комиссара 1 ТАК АОН.

Докладывает тов. Панякин. На АПК тов. Краузе присутствует.

Установлено: тов. Краузе в бытность его с 1933 г. по 1937 г. военкомом и начальником политического отдела 11 АБ (г. Воронеж) был связан с ныне разоблаченными и арестованными врагами народа.

Тов. Краузе участвовал на банкете при проводах врага народа Варейкиса, о чем скрыл от партийной организации и при обсуждении партийной характеристики заявил, что он никакого участия в проводах врага народа Варейкиса не принимал.

Также установлено, что помимо этого тов. Краузе был связан с врагом народа Поляковым, у которого он часто останавливался в Москве в 1935–1936 гг.

Кроме того, установлено, что тов. Краузе участвовал в пьянках с быв(шим) ком(анди-ром) эск(адрильи) Сафрановичем (ныне арестован как шпион). В результате пьянок с врагом народа тов. Краузе не мог своевременно (его) разоблачить, хотя целый ряд фактов и действий врага Сафрановича были известны тов. Краузе, но мер с его стороны никаких не принималось.

Также установлено, что тов. Краузе, зная, что нач(альник) связи Белоголовый по возвращении из Италии вел переписку с одним итальянским офицером, а также зная, что Белоголовый получил предупредительное письмо от врага народа Эйдемана, мер к разоблачению Белоголового не принял, не ставил этого вопроса перед политуправлением АОН.

Тов. Краузе, зная о целом ряде комиссаров в бригаде о том, что они в прошлом имели троцкистские колебания, и проводя их аттестование, им об этом не писал. Тов. Краузе после выхода постановления правительства о запрещении выдачи воинским частям в порядке шефства денежных средств, встал на антигосударственный путь. Получив средства с обкома ВКП(б) в сумме 6 972 руб., всякими жульническими путями перечислил эту сумму на счет обкома ВЛКСМ с условием, что эти деньги выдавать только по его запискам.

Все это явно преступное деяние было проделано, и деньги по запискам тов. Краузе выдавались узкому кругу людей из руководящего состава, в том числе и самому Краузе.

В своей практической работе тов. Краузе после решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), как член партии работал неудовлетворительно, практической помощи частям никакой не оказывал, пропагандистской работой не занимался, проявлял полнейшую бездеятельность по вскрытию и разоблачению врагов народа.

Постановили: За политическую беспечность в деле вскрытия врагов народа и за укрывательство своих связей с врагами народа, за антигосударственную деятельность (завел «черную кассу» на шефские деньги и за их разбазаривание), за бездеятельность в своей практической работе в деле реализации решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) тов. Краузе Людвиг Августовича из членов ВКП(б) – исключить.

*Отв(етственный) секретарь парткомиссии АОН
батальонный комиссар (Панякин)¹⁰.*

А ведь еще совсем недавно ничего не предвещало такого развития событий – Людвиг Краузе ходил в передовых рядах отечественной военной авиации. В мае 1936 г. он был награжден орденом Красной Звезды – «за выдающиеся личные успехи по овладению боевой авиационной техникой и умелое руководство боевой и политической подготовкой Военно-Воздушных сил РККА».

В представлении его к награде, подписанном командующим войсками Московского военного округа командармом 1-го ранга И. П. Беловым, начальником политуправления округа армейским комиссаром Г. И. Векличевым и помощником командующего по авиации комдивом А. И. Бергольцем отмечалось:

«Тов. Краузе один из лучших начпобригов (начальников политотделов бригад. – Н. Ч.) частей округа с большим опытом партийно-политической работы. Упорной личной работой с каждым человеком тов. Краузе добился хорошей постановки партийно-воспитательной работы среди личного состава. Часть представляет собой крепко сколоченный коллектив. Тов. Краузе правильно организует политическое обеспечение боевой подготовки. Политотдел знает и конкретно занимается вопросами обеспечения полетов, огневой, штурманской подготовки и т. д. Из пяти помполитов эскадрилий бригады три самостоятельно летают. Сам тов. Краузе также самостоятельно вылетал на У-2. Правильно организует разрешение двух задач как одной. Бригада добилась, что части, входящие в ее состав, не имеют аварий в течение двух с половиной лет. На подведении в ПУРККА итогов постановки партийно-политической работы бригада получила положительную оценку как по состоянию марксистско-ленинской подготовки, так и по общей постановке партийно-политической работы в части. Лично тов. Краузе показывает образец перестройки работы по-новому, правильно изучая людей и работая с каждым партийцем, комсомольцем, летчиком, техником»¹¹.

Наступил 1937 год. В его второй половине акценты в характеристике командиров и политработников РККА стали заметно смещаться в сторону обвинительного уклона. Примером тому служит партийная характеристика на Л. А. Краузе.

«Работая комиссаром бригады и начальником политотдела в течение 4-х лет, твердо проводил генеральную линию партии в жизнь. Сумел сплотить вокруг себя и политотдела партийный актив. Своевременно ставил перед политаппаратом и парторганизациями частей очередные задачи. Чуткий и внимательный товарищ. Активно помогал первичным парторганизациям. Делал доклады на собраниях первичных организаций, проводил занятия с парторганами и комсоргами в школе бригадного партактива. Как правило, сам делал доклады на гарнизонных партактивах. Обладает большим опытом партийно-политической работы. Пользовался авторитетом среди коммунистов и начсостава бригады. За период работы в бригаде своим руководством обеспечил безаварийную работу частей и бригады в целом.

С комиссарами частей по поднятию их марксистско-ленинского уровня занятий не проводил лично и не организовал в течение всего периода времени.

Отсутствовала у тов. Краузе достаточная борьба с отдельными принципиальными недостатками в боевой подготовке (вместо подготовки всей эскадрильи готовили отряд в 43-й авиаэскадрилье) (из решения партконференции).

Тов. Краузе не организовал надлежащего контроля за работой политаппарата и парторганизаций частей и суровой критики их недостатков.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Там же. Л. 24.

Тов. Краузе не всегда прямо указывал на недостатки отдельным руководящим работникам. Зам(еститель) нач(альника) по(литотдела) бриг(ады) тов. Федоров в течение полутора лет не вел ни одного кружка, не проводил ни одного занятия по МЛУ (марксистско-ленинской учебе. – *Н. Ч.*), систематически участвовал в пьянках, и тов. Краузе дал ему положительную аттестацию.

Тов. Краузе либерально относился к участникам коллективных пьянок из работников руководящего начсостава, иногда участвовал лично в них. Не ставил вопрос на первичных парторганизациях об участниках коллективных пьянок (Логинов, Федоров, Хомяков).

Допустил мягкотелость и примиренчество в разрешении рукоприкладства командира Валькова к штурману Харитонову. Несмотря на заявления тов. Харитонova тов. Краузе с 1935 г. тянул этот вопрос до 1937 г., пытаясь разрешить его кабинетным путем, а не разрешал его в партийном порядке.

Имел знакомство с Поляковым, который ныне оказался врагом народа, за что тов. Краузе вынесено предупреждение парткомиссией АОН.

Тов. Краузе голосовал за политически вредную резолюцию высшего начсостава Белорусского военного округа, что совершенно правильно было ЦК оценено как толмачевско-белорусские настроения.

Несмотря на крупные недостатки и политические ошибки тов. Краузе преданный партии и родине коммунист. Заслуживает политического и делового доверия.

Партийная характеристика дана партийным бюро управления XI АБ и утверждена первичной парторганизацией XI АБ на общем собрании.

*Ответственный секретарь партбюро (Пожималин)
члены партбюро (Мацевский)
(Харитонов)
(Малинский)»¹².*

Что это за история с Поляковым, о которой упоминается во всех документах? Что в ней антипартийное, политически вредное? Дадим слово самому Л. А. Краузе. В обращении в начальнику отдела кадров Политуправления РККА бригадному комиссару М. Р. Кравченко, датированном 19 сентября 1937 г., он подробно описывает эту историю.

«По вопросу о моем знакомстве и встречах с Поляковым, который оказался врагом народа, как мне сообщил корпусный комиссар Гринберг 25 июля, могу изложить следующее.

Познакомился я с этим Поляковым в г. Брянске в 1927 г. Поляков был там до меня начальником политотдела гарнизона спецвойск. В августе 1927 г. начала формироваться 15-я авиационная бригада, куда в это время я был назначен комиссаром бригады. Бригада входила до января 1928 г. в политическое обслуживание этого политотдела. В это время я и познакомился с Поляковым. С начала 1928 г. в бригаде был сформирован политотдел и уже больше никакого отношения к Полякову я не имел, за исключением вопросов шефства и распределения квартир, которыми занимался Поляков как начальник политотдела гарнизона.

Кроме того, в течение всего лета 1928 г. бригада находилась в лагерях в Гомеле и с Поляковым вовсе никакой связи не было.

После нашего возвращения через 2 или 3 месяца в конце 1928 г. или в начале 1929 г., но не позже февраля (1929 г.) Поляков был переведен ПУРККА на Черное море начальником политотдела укрепрайона. С этого времени, т. е. с 1928 г. или февраля 1929 г. до начала 1932 г., я его не встречал и ничего о нем не знал.

¹² Там же. Л. 30–31.

В 1932 г. я снова встретил его в Москве. Он сообщил, что уволился из армии, что получил персональную пенсию, что с ним было недоразумение, что его исключали из партии за примиренчество, но восстановили.

Работал он в Москве в наркомате совхозов по строительству. Живя в Москве до 1933 г., я к нему несколько раз заходил по старому знакомству. В 1933 г. я уехал в Воронеж и до мая 1935 г. с ним не встречался совсем. В мае 1935 г. после Первомайского парада я зашел к нему как к старому знакомому. После этого я был у него в конце 1935 г., его не было, была одна жена. И, наконец, последний раз я был у него в мае 1936 г., после Первомайского парада. Больше случаев посещения Полякова не помню. Ни особой тесной дружбы и общего у меня, кроме старого знакомства по Брянску, не было. Ничего плохого ни в его поведении, ни в его делах ни от него, ни от других не слышал. И не знал, за исключением того, что он сам говорил, что исключался из партии и был восстановлен за необоснованностью. Кроме того, жена его жаловалась, что он стал сильно пить и поздно возвращается домой. Встречи у меня с ним были редкие, и поэтому судить о нем и его делах я не мог. Кроме того, что я знал по Брянску, где он был на хорошем счету и активно выступал за генеральную линию партии. В разговорах никакого недовольства он не выражал. Разговоры, какие были, больше всего касались быта. Он говорил, что работа его удовлетворяет, что он хорошо строит и последний раз рассказал, что построил хороший санаторий. Говорил о том, что его собираются, кажется, снова призвать в армию. Вопросами жизни в армии не интересовался и не спрашивал. Других разговоров или какого-либо недовольства с его стороны я не замечал. Я пытался разубедить его перестать пьянствовать, и, видимо, это ему не нравилось. При встречах особого удовольствия он не выражал, и поэтому особой дружбы не было, и с мая 1936 г. я к нему больше не ходил, порвав и редкие встречи. Теперь я очень жалею, что не сделал это раньше, не разглядев в нем врага»¹³.

Бригадный комиссар Л. А. Краузе, военный комиссар 1-го тяжелобомбардировочного авиакорпуса, был арестован 5 декабря 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 2 апреля 1938 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии от 30 мая 1956 г. реабилитирован.

Учитывая, что многие высшие командиры и политработники по своему социальному положению были «от сохи», их не могли не волновать события, происходившие в родных селах и деревнях в конце 20-х и начале 30-х гг. И не только в родных. Даже видные армейские политработники, эти верные бойцы партии, нередко выражали недоверие политике партии в вопросах коллективизации сельского хозяйства. Чаще всего выражали они это тайно, без широкой огласки, но тем не менее такое несогласие было, и оно находит свое отражение в следственных документах 1937–1938 гг. Если по многим другим пунктам обвинения арестованные в эти годы командиры и политработники РККА писали показания, как правило, под диктовку следователя, то вопросу о неприятии политики ВКП(б) по ускоренной коллективизации сельского хозяйства, можно не сомневаться, они излагали свою истинную позицию. Покажем это на примере показаний бывшего начальника политуправления Харьковского военного округа армейского комиссара 2-го ранга Сергея Николаевича Кожевникова – одного из опытных политработников Красной Армии (до Харьковского военного округа он в разные годы был членом РВС и возглавлял политуправления Белорусского – дважды, Сибирского, Северо-Кавказского военных округов).

Из заявления С. Н. Кожевникова начальнику особого отдела Харьковского военного округа от 11 сентября 1937 г.:

¹³ Там же. Л. 32–33.

«...Зимой 1930 г. я был переброшен членом Реввоенсовета в Северо-Кавказский военный округ (СКВО). Прибыл я в Ростов в разгар развертывавшихся мероприятий по коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества на Северном Кавказе.

Уже тогда в Чечено-Ингушской области происходили кулацко-муллские восстания, на подавление которых я вскоре выехал. Жестокость мер по ликвидации восстаний и тяжелое экономическое положение горцев произвели на меня тяжелое впечатление.

После подавления восстаний я возвратился в Ростов и принял участие в подготовке мероприятий по коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества. Перегибы в этих мероприятиях повлияли на меня отталкивающе. Я лично был не согласен с решениями партии о столь быстром проведении коллективизации и решительной ликвидацией кулачества на Северном Кавказе.

В 1931 г., особенно в осеннюю посевную кампанию, вспыхнул ряд вооруженных восстаний, сопровождавшихся убийствами партийно-советских работников. Уже после подавления восстаний сопротивление вылилось в саботаж, организованный контрреволюционным кулачеством по хлебозаготовкам и осенней посевной кампании. Вновь были применены самые крутые меры репрессий.

На Северный Кавказ в связи с этим прибыла комиссия ЦК ВКП(б) во главе с Л. М. Кагановичем. В ее составе был и Гамарник (Ян Борисович Гамарник – начальник Политуправления РККА. – *Н. Ч.*). К тому времени я уже занимал позиции, явно враждебные партии. Я считал, что коллективизация проводится слишком быстрыми темпами, в результате чего происходит полный разгром сельского хозяйства. Вместе с кулачеством репрессируются середняцкие и бедняцкие слои казачества. Вообще же эти мероприятия нас приводят к политической ссоре с крестьянством в СССР. К разрыву между партией и крестьянством.

По указанию Кагановича к наиболее злостным по саботажу станицам в СКК (Северо-Кавказском крае. – *Н. Ч.*) был применен бойкот с запрещением въезда и выезда населения из станиц. В эти станицы запрещен ввоз всех без исключения товаров, вплоть до спичек и керосина до тех пор, пока станицы не выйдут в поле и не сдадут излишков хлеба. Одновременно было объявлено, что саботажники будут выселяться в нечерноземные районы Союза, а вместо них будут переселены крестьяне из бедно-почвенных областей Советского Союза. Эти мероприятия были проведены в станицах Полтавской, Ново-Рождественской и частично Старо-Минской. Я вместе с Гамарником объезжал некоторые районы Кубани, где были территориальные формирования частей СКВО. Во время этих поездок из замечаний и разговоров со мной Гамарника я убедился, что он, как и я, совершенно не намерен проводить активную работу по слому саботажа и мобилизации актива переменного состава тер(риториальных) частей на эту борьбу. Я ясно видел, что он также не согласен с этими жестокими мероприятиями и просто уклоняется от этой работы.

Гамарник говорил о голоде среди населения, часто даже не верил, что имеются запасы хлеба, хныкал, не нажимал на политаппарат территориальных частей. В беседах со мной Гамарник говорил: «Не может быть, чтобы скрывали хлеб тогда, когда сами скрывающие умирают от голода». Между тем ему было известно, что это не соответствовало действительности, так как в ямах на огородах голодающих находили хлеб десятками пудов, о чем настойчиво докладывали Гамарнику работавшие курсанты Ейской летной школы.

В последующих прямых разговорах со мной Гамарник высказывал свое несогласие с решениями партии по вопросу ликвидации кулачества. С его слов мне известно, что Шеболдаев и Пивоваров (Б. П. Шеболдаев – секретарь крайкома ВКП(б), И. Н. Пивоваров – председатель крайисполкома. – *Н. Ч.*) также стояли на этой позиции и саботировали директивы партии о разгроме кулачества на Северном Кавказе.

В Ново-Рождественской станице под руководством Пивоварова не был проведен полностью бойкот станицы, а проведено это было только с приездом туда Микояна. В ряде

станций, как Полтавская и другие, которые целиком подлежали выселению, Шеболдаевым и Пивоваровым были оставлены под видом бедняцких и иногородних крестьян большие группы кулацких хозяйств, скрывшиеся в красноармейской коммуне имени Фрунзе под видом членов этой коммуны»¹⁴.

У создателя и руководителя украинской конницы («червонного казачества») в годы Гражданской войны В. М. Примакова тоже наблюдались отклонения от генеральной линии партии – определенное время после войны он был сторонником троцкистских взглядов на некоторые вопросы внутренней жизни партии и строительства армии. Но жизнь заставила его пересмотреть свои позиции и признать, что он был не прав. И признал это В. М. Примаков официально и публично, через средства массовой информации. Будучи за рубежом, в Афганистане в должности военного атташе при полномочном представительстве СССР в этой стране, он из Кабула прислал в Москву и опубликовал свое заявление о разрыве с троцкизмом.

¹⁴ Архив ФСБ. Архивно-следственное дело (АСД) С. Н. Кожевникова. Л. 26–28.

Кадры бывают разные

Мы говорим о кадрах Рабоче-Крестьянской Красной Армии РККА) – о военных кадрах из рабочих и крестьян. Именно они являлись костяком, основой этой армии – со своей подготовкой, образованием (военным и общим), отношением к Советской власти и партии большевиков, их ценностям, военному строительству. При всей своей социальной однородности (в общей массе), эти кадры имели и свою индивидуальность. Но сначала об одной общеизвестной особенности: большая часть командного состава РККА в годы Гражданской войны да еще продолжительное время после нее имела низкий уровень образования, была малограмотной.

Примечательный тому пример. Из воспоминаний генерал-лейтенанта в отставке А. В. Кирпичникова: «Осенью 1930 года приказом Народного комиссара обороны при Военной академии имени М. В. Фрунзе была создана особая группа, в которую входили командиры Красной Армии, проявившие себя в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции как выдающиеся военачальники. Цель этой группы заключалась в том, чтобы дать возможность этим командирам усовершенствоваться и углубить свои военные знания на базе боевого опыта, полученного в период первой мировой и гражданской войн и иностранной интервенции.

В группу первого набора было зачислено всего 18 человек. Но и это число в период обучения уже в первом учебном году значительно сократилось. К концу второго года обучения в группе осталось 12 человек. Остальные слушатели в процессе учебы получили назначения на особо ответственные посты в Красной Армии. Особую группу в 1932 г. окончили: С. М. Буденный, И. Р. Апанасенко, О. И. Городовиков, командующий воздушными силами Московского военного округа И. У. Павлов, командир и военный комиссар 46-й стрелковой дивизии И. Ф. Ткачев, начальник Артиллерийского управления Г. И. Бондарь, командир и военный комиссар 12-й кавалерийской дивизии Д. Ф. Сердич, командир и военный комиссар 3-й кавалерийской дивизии Е. И. Горячев, начальник и военный комиссар Ленинградской пехотной школы В. Ю. Рохи, командир авиационной бригады Московского военного округа Н. Н. Васильченко, военный комиссар 10-го стрелкового корпуса И. П. Михайлин...

Учебный план и программа занятий для Особой группы были рассчитаны на два года.

Слушателей Особой группы разделили на три учебные группы по шесть человек в каждой.

Программой занятий на первый учебный год предусматривались:

- лекции и семинары по марксистско-ленинской подготовке;
- лекции по общей тактике, тактике специальных родов войск и другим дисциплинам;
- военные игры на картах в классе, а также решение тактических задач на местности;
- изучение тактико-технических данных оружия, которое состояло к тому времени на вооружении войск Красной Армии;
- изучение новой техники, поступавшей в армию после войны.

Несколько слушателей в обязательном порядке занимались общеобразовательными предметами: русским языком, арифметикой и т. д. Некоторые слушатели по собственному желанию изучали иностранные языки»¹⁵.

Упомянутый выше С. М. Буденный тоже оставил воспоминания о периоде своей учебы в Особой группе академии.

Сказал он там и о том, как создавалась эта группа, какова была общая подготовленность, уровень образования слушателей: «...По моему предложению Наркому обороны

¹⁵ 40 лет Военной академии имени М. В. Фрунзе. М.: Воениздат, 1958. С. 205, 206.

в академии была создана особая группа, в которую входили высшие командиры, имевшие богатый боевой опыт и проявившие незаурядные военные способности, но не получившие военного образования. Наркомат обороны СССР и Советское правительство одобрили эту инициативу, однако лично мне разрешили учиться только без отрыва от исполнения служебных обязанностей... Взвесив все, я все-таки решил учиться. Однако при поступлении в академию преподаватель русского языка М. П. Протасов нанес нам «жестокое поражение». В диктанте он обнаружил у меня 13 ошибок, у Д. Ф. Сердича и И. Р. Апанасенко – свыше 30 ошибок, а у О. И. Городовикова – 52. Даже Г. И. Бондарь, получивший до революции высшее образование, и Я. П. Гайлит, окончивший межевой институт, сделали: первый – 19 ошибок, а второй – 23 ошибки. Это многих обескуражило. Начались разговоры о том, что мы не сможем одолеть науку, не имея серьезной общеобразовательной подготовки...»¹⁶

История Особой группы Военной академии имени М. В. Фрунзе, преобразованной затем в Особый факультет той же академии, судьбы ее (его) выпускников заслуживают отдельного повествования. Что и намеревался сделать автор этих строк в свое время, когда работал в стенах названной прославленной академии и был возрастом помоложе. И даже стал активно собирать материал о первых выпускниках Особой группы, искать их родственников, искать их личные и пенсионные дела. Дело это достаточно сложное, кропотливое, с большой затратой времени. К тому же работать над темой, не зная заранее, пойдет ли она в печать, – дело далеко не перспективное. Работать «в стол» не нравится ни одному автору, в том числе и мне. Короче говоря, не видя перспективы для этой рукописи, я снизил активность на этом направлении и переключился на подбор материала о репрессированных военачальниках РККА, часть которых в разные годы окончила ту же Особую группу (или Особый факультет) Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Революция и Гражданская война взбаламутила народные толщи России, подняли с самого их дна на поверхность многих ее представителей, далеко не худших, своеобразных народных самородков, получивших возможность раскрыть свои таланты, в том числе и военные. История знает случаи, когда бывшие солдаты и унтер-офицеры старой армии довольно успешно командовали полками и дивизиями, громили полковников и генералов, хотя «академиев и не кончали». Возьмем хотя бы пример того же В. И. Чапаева, подпорщика старой армии. Известный фильм братьев Васильевых (хотя они совсем и не братья!), книга Дмитрия Фурманова (бывшего военного комиссара дивизии Чапаева) рисует нам образ бесстрашного, отважного, сообразительного командира из народа, способного быстро разбираться в сложной, запутанной обстановке противостояния одной части населения другой, когда каждая из них считала себя правой, а свою борьбу справедливой и законной.

В народе в ходу много анекдотов про Чапаева, Петьку и Анку-пулеметчицу, про их взаимоотношения и поступки. Анекдотов зачастую очень метких, образных, запоминающихся своим колоритом. И в то же время далеких от правды. Это в первую очередь касается Петьки (Петра Семеновича Исаева). Он показывается в роли исполнительного ординарца, не очень образованного, не очень умного молодого человека, но обладающего сообразительностью и житейской хваткой. Часто он выступает в роли услужливого холуя при самодуре-начальнике. Тут правда так сложно перепутана с ложью, что простой народ, не знакомый с историей Гражданской войны (хотя сам и делал эту историю!), принимает все байки про Чапаева и его окружение за чистую монету. Что все это так и было! Конечно, что-то так и было, отдельные эпизоды вполне имеют право на жизнь, на существование в сказаниях народной молвы, в его байках и анекдотах. Но тут же следует и уточнить некоторые детали. Например то, кем на самом деле был в дивизии и у Чапаева Петр Исаев. Во-первых, он был не личным ординарцем или денщиком у начдива, а командиром для поручений при штабе дивизии –

¹⁶ Там же. С. 213–214.

а это далеко не одно и то же. У командира для поручений значительно больше прав и обязанностей, его статус в армейской иерархии гораздо выше (несравненно выше!) ординарца – он предполагает знания по разведке, тактике, взаимодействию родов войск и прочих основ военного дела. Таким и был Петр Исаев, командир для поручений при штабе Чапаевской дивизии. Во-вторых, не знающие истинной биографии Петра Исаева считают его, исходя из содержания анекдотов, простым, рядовым солдатом из числа тех, кого «куда пошлют» и «чего изволите?». Между тем как Исаев в старой армии был унтер-офицером, участником Первой мировой войны, как и Чапаев, и подпрапорщику (читай – сверхсрочнику) Чапаеву был почти ровня. Когда Чапаев командовал бригадой, Исаев был там начальником связи, а во 2-й Николаевской дивизии (у Чапаева же) командовал батальоном связи (а это, считай, командир отдельной части). Но так распорядилась судьба, так повернулись события, что один из них попал в подчинение к другому, выходцу из низов народа, правда, далеко не бесталанному.

Ну, а что касается широко распространенных анекдотов про Чапаева, Петьку и Анку-пулеметчицу, то здесь сказалось народное правило вышучивать, высмеивать всех и вся, вплоть до Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента России, что, по сути, показывает состояние здоровья этого общества. Не сотвори себе кумира! – золотое правило, девиз очищения общества от идолопоклонства, от пресмыкания перед той или иной личностью. Хотя и в критике, в вышучивании и высмеивании перехлест тоже неуместен, он весьма чреват негативными своими последствиями. У каждого народа должны быть свои герои, незабываемые святыни, которые надо беречь и сохранять в чистоте. И этих героев народ должен знать, а героические традиции чтить и преумножать – в этом залог дальнейшего развития и совершенствования армии и флота любой страны, особенно нашей с ее трагическими изломами и поворотами. А что касается анекдотов про Чапаева, то за него заступился слепой поэт-фронтовик Эдуард Асадов, который с большой обидой, возмущаясь волной высмеивания всех и вся, восклицал по этому поводу: «Вот и до Чапаева добрались!» Отметим, что не только до Чапаева добрались, но и до Владимира Ульянова (Ленина) тоже, не говоря уже о Никите Хрущеве, Леониде Брежневе и других руководителях страны.

Революция и Гражданская война на своих волнах вознесли на вершину власти некоторых людей, не обладавших достаточным набором необходимых качеств для исполнения той или иной должности. Потому, видимо, и не смогли они удержаться на той вершине, которую по воле обстоятельств достигли. Не говоря уже о занятии более высоких постов. Так, фронтами непродолжительное время командовали: Восточным – А. А. Самойло, В. А. Ольдерогге; Южным – П. А. Славен, В. Н. Егорьев. Армиями различных фронтов: Ж. К. Блюмберг, В. М. Крузе, И. С. Кожевников, П. К. Мармузов и некоторые другие. Они, как падающие метеориты, мелькнули, оставив на мгновение короткий след на небосклоне, и пропали. О них мало кто знает, и даже в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» только о некоторых имеется короткая биографическая справка. Например, нет ее о Ж. К. Блюмберге, который командовал 5-й армией Восточного фронта с сентября 1918 г. по апрель 1919 г. Или нет такой справки о П. А. Славене – первом командующем той же 5-й армией (август – сентябрь 1918 г.). Постараемся хотя бы частично восполнить эти пробелы.

Жан Карлович Блюмберг родился в сентябре 1889 г. в местечке Альт-Ауц Курляндской губернии в крестьянской семье. По национальности латыш. Далее из автобиографии, написанной им в 1933 г.: «С 10 лет работал по найму – пастухом летом, а зимой учился. В 1907 г. окончил двухклассное училище министерства народного просвещения. В 1908 г., выдержав соответствующее испытание, поступил на военную службу вольноопределяющимся. В 1910 г. поступил в Виленское военное училище, которое окончил в 1914 г. и сразу попал на войну в 99-й Ивангородский пехотный полк. Всю империалистическую войну пробыл на фронте в должности командира роты, начальника команды пеших и конных разведчиков

и пулеметной команды. Последние чин и должность в старой армии капитан, командир батальона. (За боевые отличия Ж. К. Блюмберг награжден орденами Св. Анны 2, 3 и 4-й степени, Св. Станислава 2-й и 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени. – *Н. Ч.*)

По окончании мировой империалистической войны приехал в Москву и весной 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии и сразу был назначен комбригом в Латышскую дивизию. В половине сентября 1918 г. был назначен командующим 5-й армией Восточного фронта, пробыл в этой должности до апреля 1919 г., когда был назначен командующим Северной группой войск, защищающей г. Петроград от наступления Юденича и финнов. В 1920 г. был начальником тыла Донбасса.

По окончании Гражданской войны в 1921 г. был назначен инспектором ГУВУЗ и в 1922 г. окончил Высшие академические курсы (ВАК). После этого был полтора месяца командиром 1-й стрелковой и в октябре 1922 г. назначен командиром 11-го стрелкового корпуса, коим командовал в Ленинградском и Белорусском военных округах более 4 лет до конца 1926 г. С 1927 г. по 1930 г. работал в центральном аппарате Нарком-военмор в должностях инспектора стрелково-тактической подготовки и помощника инспектора пехоты РККА. С 1930 г. по 1932 г. был начальником Ленинградского приграничного гарнизона и начальником 24-го военно-строительного управления. В 1932 г. назначен инспектором оборонительного строительства УНИ (Управления начальника инженеров. – *Н. Ч.*) РККА, а в декабре того же года назначен заместителем начальника Военно-инженерной академии (ВИА). В мае 1933 г. назначен начальником общеакадемической оперативно-тактической кафедры ВИА РККА. Имею награды: за успешное очищение Поволжья от белых армий – орден Красного Знамени...»

Соответствующие начальники, характеризующие Ж. К. Блюмберга, неоднократно отмечали его положительные и отрицательные качества. К положительным сторонам его деятельности они относили наличие твердой воли, любовь к военному делу. Однако отрицательных качеств было у него значительно больше, что усматривается из содержания его аттестаций. Если в годы войны многие недостатки в деятельности и личном поведении можно было списать за счет сложностей боевой обстановки, то в мирное время они становились нетерпимыми и недопустимыми.

В аттестации за 1923 г. на командира 11-го стрелкового корпуса Ж. К. Блюмберга командующий войсками Петроградского военного округа В. М. Гиттис отмечал: «...В работе не чувствуется планомерности и системы... Болезненно самолюбив и с большим самнением. Обладает скорее упрямством, чем настойчивостью. В отношении со старшими – дисциплинирован и выдержан, но в отношении с подчиненными бывает раздражителен, вспыльчив, резок и даже груб в обращении, а иногда прямо деспотичен. Вследствие таких недостатков за годичный период командования корпусом – ряд крупных инцидентов с ответственными его ближайшими сотрудниками-подчиненными и ряд жалоб со стороны последних, а равно и материалов, невыгодно характеризующих комкора, причем, несмотря на внушение и предостережение – тов. Блюмберг в этом направлении все же повторялся. Непосредственно лично в командовании корпусом ничего ценного не вложил.

Подвижными сборами корпуса минувшим летом руководил нетвердо и не вполне удачно.

Должным авторитетом и уважением не пользуется. Как начальник – сух, официален и иногда пристрастен...

Признать тов. Блюмберга вполне соответствующим занимаемой должности в данное время не могу, но допускаю, что в результате двухмесячного отдыха и лечения на курорте

у него будет больше уравновешенности и выдержки и с восстановленными силами он выявит себя в более положительном смысле»¹⁷

Жана Карловича Блюмберга от должности не освободили, и он продолжал и дальше командовать 11-м стрелковым корпусом. Прошло несколько лет. И что же изменилось в его поведении, во взаимоотношениях с подчиненными? Да почти ничего не изменилось. Этому подтверждение – его аттестация за 1925 г., подписанная командующим войсками Ленинградского военного округа В. М. Гиттисом и членом РВС округа Н. М. Ворониным:

«...Обладает достаточной волей, но характер неуравновешенный и скорее упрямый, чем настойчивый. Болезненно самолюбив и с большим самомнением. В отношении к старшим – дисциплинирован и выдержан, в отношениях же с подчиненными нередко бывает вспыльчив, раздражителен, нетактичен, резок и груб в обращении, доходя иногда до поступков, не терпимых в Красной Армии.

Ряд крупных инцидентов и жалоб со стороны ответственных работников корпуса, имевшие место в 1923 г., не прекратились и после того, как тов. Блюмбергу был предоставлен отпуск по болезни с предложением, что после отдыха и лечения на курорте в Крыму, он будет более уравновешенным и тактичным, более бережно относясь к достоинству своих подчиненных. Между тем в 1924 г., после отдыха, тов. Блюмберг в этом отношении не изменился, в результате чего опять ушел нач(альник) шта(ба) кор(пуса) (четвертый по счету при тов. Блюмберге), а один комдив возбудил вопрос о переводе после резко бестактного и притом незаслуженного отношения к нему командира корпуса в присутствии подчиненных комдиву лиц...

В более положительном смысле тов. Блюмберг ни в какой области себя не выявил. Корпусом командовал и руководил посредственно, почти ничего личного не вкладывая в эту работу, вместе с тем приходится констатировать, что те же черты характера у тов. Блюмберга сохранились и выявляются в жизни и после отдыха.

Считая, что для крупного военачальника умение владеть собой, выдержка и хладнокровие – необходимые качества, и что во время боевых действий неуравновешенность, вспыльчивость и отсутствие самообладания у тов. Блюмберга не будут также способствовать его авторитету как командира корпуса, прихожу к заключению, что тов. Блюмберг должности ком(андира) кор(пуса) не соответствует, ибо даже при наличии авторитетного и сильного комиссара, значительно умевшего предупреждать или смягчать такие инциденты, – тов. Блюмберг все же создал ряд нездоровых моментов. Полагаю, что целесообразнее использовать тов. Блюмберга не на строевой командной должности, дабы он мог работать без повседневного контроля комиссара».

Борис Михайлович Шапошников (умный и тактичный человек), сменивший В. М. Гитиса на посту командующего войсками Ленинградского военного округа, не согласился с выводом предыдущей аттестации на комкора Ж. К. Блюмберга. Познакомившись с ним ближе, Шапошников подтвердил многие предыдущие наблюдения и дополнительно записал в очередной аттестации: «...Всегда военачальник и как таковой считает свои действия непогрешимыми. Возражений не переносит... Любит показать свою работу. Ум тяжелый, негибкий. Работе отдается всецело, но затрачивает иногда непроизводительно время вследствие неумения им распорядиться. В военном отношении развит, но больше в вопросах тактики... В стратегии слаб...

Учтя все вышеизложенные качества и предыдущие аттестования тов. Блюмберга, я воздерживаюсь от того, чтобы признать его несоответствующим должности командира корпуса. Тов. Блюмберг тяжелый командир, к которому нужно подойти со знанием его нравственных

¹⁷ МГВК. АПД Ж. К. Блюмберга. Л. 1.

качеств, но как войсковой командир он неплохой и по своим военным качествам должности соответствует»¹⁸ С этим выводом командующего согласился и член РВС округа О. А. Сааков.

Осень 1924 г., как и в предыдущий год, была для Ж. К. Блюмберга также богата конфликтами и жалобами на него. В том числе жалобами из ведущей не только в корпусе, но и в округе 56-й Московской стрелковой дивизии. Из рапорта военного комиссара и начальника политотдела дивизии Гибеля от 27 октября 1924 г. на имя своего прямого начальника – военного комиссара корпуса П. Я. Ванага:

«Во время полевой поездки в г. Пскове при разборе одной из задач комдивом тов. Цветаевым были высказаны соображения по поводу оценки наштакором (начальником штаба корпуса. – *Н. Ч.*) тов. Захаровым решения задач комсоставом дивизии в присутствии Вашем и комкора, на что комкор тов. Блюмберг реагировал резким окриком на комдива, назвав его выступление «выходкой», за которое будет наказывать в дисциплинарном порядке.

Как бы ни было нетактично выступление комдива тов. Цветаева, но грубый окрик комкора на комдива в присутствии комсостава дивизии, вылившийся в буквально наигрубейшее затыкание рта и в дальнейшую допущенную комкором резкость, считаю не соответствующими духу Красной Армии, оскорбляющими чувства гражданина.

Ввиду того, что это повторяется не в первый раз и оставляет глубокий осадок на комсостав дивизии, прошу Вашего содействия в призвании комкора тов. Блюмберга к порядку через РВС ЛВО (Ленинградского военного округа. – *Н. Ч.*)»¹⁹.

Сам комдив Вячеслав Дмитриевич Цветаев (один из старейших в РККА командиров дивизий – он еще в 1920 г. командовал 54-й стрелковой дивизией. – *Н. Ч.*) посчитал себя оскорбленным реакцией со стороны командира корпуса и его словами. Вот что он пишет в рапорте на имя военного комиссара корпуса:

«Считаю себя в происшедшем инциденте правым, так как, испросив у комкора разрешения на заключительное слово по докладу наштакора, я не только не сказал ничего оскорбительного по адресу последнего, но, наоборот, высказал желание выслушать пояснения по существу доклада, ибо без таковых последний был не ясен. Мое слово было прервано окриком комкора, который, не ограничившись этим, в резкой и грубой форме, весьма повышенным тоном стал говорить о моем нетактичном отношении к руководству и якобы о намерении оскорбить наштакора. Заканчивая мораль, комкор обратился к командному составу (присутствовал весь свободный комсостав 117 стрелкового полка), заявил, что он не потерпит в будущем выходок, подобных комдивской и на будущее время будет принимать дисциплинарные меры.

Ввиду того, что инциденты, подобные настоящему, страшно нервируют, отражаются на работе и сводятся к аннулированию меня как личности и начальника и повторяются в третий раз, прошу Вашего ходатайства перед Реввоенсоветом округа о переводе меня в другой корпус»²⁰.

Приведенные документы показывают суть конфликтов (инцидентов) с подчиненными у Ж. К. Блюмберга. В том числе с его ближайшими помощниками – начальниками штаба корпуса. Одним из них был П. А. Захаров. Из рапорта последнего на имя командира XI стрелкового корпуса от 18 декабря 1924 г.: «По расформировании XV стрелкового корпуса, где я служил на должности на(чальника) шта(ба) кор(пуса), я подал мотивированный рапорт начальнику штаба Северо-Кавказского (военного) округа с просьбой считать меня кандидатом на одну из должностей, хотя бы на(чальником) шта(ба) див(изии), в жаркие районы Закавказья или Туркестан. Основанием моей просьбы служил начавшийся процесс тубер-

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ Там же. Л. 18.

²⁰ Там же. Л. 19.

кулеза в правом легком и диагноз врачей о необходимости мне служить в районах с сухим климатом. Мое ходатайство было направлено в Штаб РККА. В июле месяце я был назначен наштакором XVII, но, не прибывая туда, переназначен наштакором XI. При проезде г. Москвы мной было доложено в Командное управление Штаба РККА о том, что я, исполняя приказ, еду на новую должность, но прошу учесть мое ходатайство о назначении в южные азиатские округа, тем более я, уроженец Кавказа и 15 лет прослуживший в Туркестане, из них 4 года в Красной Армии, отлично знаю Кавказский и Туркестанский театры.

Создавшееся у Вас за последнее время крайне резкое и подчас оскорбительное ко мне отношение побуждает меня просить Вас ускорить мой перевод, так как я чувствую, что столь нервная обстановка крайне вредно отражается на службе»²¹.

В тот же день П. А. Захаров представил данный рапорт командиру корпуса. Что из этого получилось, узнаем из докладной Захарова на имя военного комиссара корпуса П. Я. Ванага от 19 декабря, т. е. на следующий день:

«Докладываю Вам для сведения рапорт, поданный мной 18 декабря командиру корпуса и порванный им как «оскорбительный». Согласно указания командира корпуса я обязан, если чувствую себя обиженным, подать жалобу.

Жалобами я никогда не занимался, так как за шесть с половиной лет службы в Красной Армии впитал в себя сознание, что существующий политический контроль есть достаточно высокий авторитет для установления взаимоотношений между старшими и младшими»²².

Сведения о конфликте между Блюмбергом и Захаровым, конечно же, стали достоянием сотрудников штаба корпуса. В этот же день к П. Я. Ванагу обратился с рапортом и военный комиссар штаба корпуса: «За последнюю неделю в штабе корпуса наблюдается подавленное настроение, вызванное обостренным отношением комкора к наштакору, что, безусловно, не может не отразиться на всей работе штакаора, особенно в настоящий момент, когда выполняется одна из ответственных задач, требующая особой тщательности.

Наштакор тов. Захаров, не чувствуя за собой какой-нибудь вины, вызвавшей грубое, лицеприязненное отношение комкора к нему, за исключением отсутствия живости, несвойственной его возрасту и тем более его здоровью, не может найти иного выхода, как просить о переводе его в другой округ.

С этой целью им вчера был подан рапорт комкору с просьбой его перевода в связи с создавшейся обстановкой, но рапорт комкором был разорван с указанием, что настоящий поступок он рассматривает как оскорбление. Весь разговор со стороны комкора был в резком, повышенном тоне, скорее в тоне «Лайдонера», чем в тоне командиров Красной Армии. Указанный случай еще более обострит их взаимоотношения, а посему полагал бы для пользы дела необходимым принять меры к разрядке настоящей атмосферы, о чем и прошу Вас настоящим рапортом.

Отношение комкора к наштакору сотрудниками штаба расценивается как «генеральская причуда», а отнюдь не как строгие законные требования. А посему, учитывая угнетенное состояние наштакаора, очень трудно восстановить авторитетность командира корпуса среди состава штакаора»²³.

Обеспокоенный нездоровой обстановкой, сложившейся во взаимоотношениях командира корпуса с начальником штаба и комдивом Цветаевым, Петр Янович Ванаг, не сумев разрешить проблему своими силами, обращается 23 декабря 1924 г. к члену Военного совета Ленинградского военного округа Воронину:

²¹ Там же. Л. 22.

²² Там же. Л. 22об.

²³ Там же. Л. 21.

«Мною неоднократно подавались Вам рапорта о «солдафонстве» командира корпуса тов. Блюмберга. Эти поступки вредно отражались на работе как штаба и управлений корпуса, так и на жизни корпуса в целом.

Рапортами за № 44сс от 17–I–23 г., за № 83сс от 17–IX– 23 г., за № 89сс от 10–XI– 23 г., за №... от 31–X–24 г. мною доносилось об инцидентах с тов. Зарайским, нач(альником) арт(иллерии) кор(пуса) тов. Калининым, с несколькими работниками штакара XI во время полевой поездки. С тов. Бэм, с комдивом 56 тов. Цветаевым; кроме того, доносилось об инцидентах с комдивом XVI тов. Овчинниковым, тов. Гируновым...

Все эти случаи рисуют комкора как резкого и болезненно нервного. Следует отметить, что большинство инцидентов выпадает на время, когда проводится какая-либо серьезная работа, и меньшинство – на время, когда работа является повседневной. Последние случаи рисуют комкора отнюдь не как командира Красной Армии.

Если в свое время я приписывал все эти случаи болезненности тов. Блюмберга, то теперь от этого мнения мне пришлось отказаться, вернее отказаться от мысли, что излечением недугов тела будет излечен и его дух. Постоянство аналогичных случаев заставляет убеждаться, что характер тов. Блюмберга неисправим, до болезненности злопамятен, очень высокого о себе мнения, во всем видит оскорбление своей персоны, диктатор, не считающийся с мнением других. В случаях, когда мне по сути того ли иного вопроса необходимо поговорить с ним, он обижается, считает себя оскорбленным, говорит, что учить его незачем, что не надо читать ему «нотаций».

После внушения, произведенного ему Вами по случаю инцидента с комдивом 56 тов. Цветаевым прошло непродолжительное время, и налицо новый инцидент, равный предыдущему по своему значению, если не больше.

Сущность инцидента и последствия его в прилагаемом к сему рапорте военкома штаба корпуса за № 32.

Касаясь последнего случая с наштакором тов. Захаровым, заявляю, что не столь важную роль играет не сам инцидент, как подавленное состояние штаба в его работе, когда везде чувствуется натянутость и все держится не на авторитете, а на страхе. Так, приказания, будучи отданными в другом тоне, в других выражениях не оскорбляли бы сотрудников и не разлагали работу штаба.

Дальше так продолжаться не может – работники и штаб корпуса не в состоянии нести своих обязанностей.

Прилагая к сему копию рапорта наштакора, прошу о принятии мер и о переводе тов. Захарова в южные округа, т. к. здоровье его не позволяет оставаться в Ленинграде (чахотка)»²⁴.

Прошло около десяти лет. Жан Карлович уже не командовал крупными общевойсковыми соединениями, а работал в высшем учебном заведении – в Военно-инженерной академии РККА. Из аттестации за 1934 г., на начальника командного факультета Военно-инженерной академии Ж. К. Блюмберга, подписанной начальником штаба, врид начальника академии И. М. Цальковичем:

«Тов. Блюмберг более года возглавлял оперативно-тактический цикл академии и, хотя имеет отличную оперативно-тактическую подготовку и большой боевой стаж и опыт командования строевыми крупными соединениями в мирное время, не сумел создать себе должный авторитет в цикле, сколотить преподавательский состав, установить должные взаимоотношения с аппаратом академии и факультетом. Более полугода командует ведущим в академии командным факультетом. Выявил себя весьма дисциплинированным, волевым командиром. Упрям. Болезненно самолюбив, малейшее служебное указание воспринимает

²⁴ Там же. Л. 20–21.

как обиду. Сух. Замкнут... Занятия с комсоставом проводит квалифицированно, но методически не интересно, скучно, не захватывает аудиторию... Единоначальником быть еще не может не только по формальным причинам (кандидат ВКП(б), но еще не имеет должных политических навыков для того. Факультетом руководит удовлетворительно. Недостаточно подготовлен в инженерных вопросах, что иногда приводит к несамостоятельным решениям в этой области...» Военный комиссар академии И. Ю. Рабинович к изложенному выше добавил: «С руководством оперативно-тактическим циклом не справился, так мы не сумели вовремя помочь в этой работе тов. Блюмбергу. Характером обладает тяжелым, недостаточно гибок и это требует постоянного к нему внимания...»²⁵

Комдив Ж. К. Блюмберг был арестован 13 декабря 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 26 апреля 1938 г. по обвинению в принадлежности к антисоветской организации приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии от 19 июля 1957 г. реабилитирован.

Командир командиру рознь. На одной и той же должности работали совершенно разные люди. На примере Ж. К. Блюмберга можно было видеть один стиль работы и его результаты. На примере другого командира корпуса, а именно И. К. Грязнова, мы увидим совершенно другую картину. Приведем биографическую справку на И. К. Грязнова, находящуюся в его пенсионном деле.

«Иван Кенсаринович Грязнов. Родился 11 января 1897 г. в Михайловском Заводе Екатеринбургской губернии в семье известного уральского общественного и кооперативного деятеля. Закончив общее образование, обратился к кооперативной деятельности в пределах Пермской губернии, выполняя работу уездного инструктора по кооперации при Оханском земстве.

В 1916 г. по досрочному призыву призван на действительную военную службу в 194-й запасный пехотный полк. По окончании Чистопольской школы прапорщиков направлен для службы в 123-й запасный полк, из коего отправился в действующую армию, где и оставался в должности младшего офицера роты и помощника начальника учебной команды 49-го Сибирского стрелкового полка до конца февраля 1918 г. По демобилизации вновь возвратился к кооперативной деятельности в пределах Красноуфимского уезда Екатеринбургской губернии.

Принадлежа по убеждениям к партии левых эсеров, 16 мая 1918 г. восставшим кулачеством Красноуфимского и Златоустинского уездов схвачен и подвергнут жестоким истязаниям. Освобожден отрядом Красной гвардии. По выздоровлении вступил в ряды Красной Армии и был назначен инспектором формирования Красноуфимского, фронта. Во вспыхнувшем всеобщем восстании, командуя отрядом в осажденном белогвардейцами Красноуфимске, прорывал путь на Кунгур. Сформировал из отрядов 2-й Красноуфимский полк и командовал им. В августе вступил в командование отрядами Манчажского направления, сформировал из них 1-й Красноуфимский полк. Командуя им, 23 сентября 1918 г. вступил в командование 1-й Красноуфимской бригадой 4-й Уральской дивизии. 12 марта 1920 г. вступил в командование 30-й стрелковой дивизией. 13 июля 1920 г. вступил во временное командование 5-й армией. 1 сентября 1920 г. возвратился к командованию 30-й дивизией и отбыл с ней на Южный фронт. В июле 1922 г. назначен командиром 7-го армейского корпуса»²⁶.

Как видим, данная биографическая справка оканчивается должностью командира 7-го стрелкового корпуса. Затем были и другие должности – командира и военного комиссара 18, 8 и 6-го стрелковых корпусов, помощника командующего войсками Среднеазиатского военного округа, заместителя начальника Управления механизации и моторизации РККА,

²⁵ Там же. Л. 6.

²⁶ Там же. АПД И. К. Грязнова. Л.15.

командующего Забайкальской группой войск ОКДВА, командующего войсками Забайкальского и Среднеазиатского военных округов. Перечень должностей достаточно большой, и, разумеется, И. К. Грязнову было поле деятельности для проявления своих организаторских способностей и методических качеств и навыков. И как же оценивали его вышестоящие начальники и командиры? Скажем прямо – оценивали справедливо, отдавая должное его способностям и качествам.

Будучи начальником 30-й стрелковой дивизии, И. К. Грязнов получил следующую аттестацию (характеристику) от командующего Харьковским военным округом А. И. Корка: «Обладает сильной волей и решительностью, широко проявляет инициативу, умеет разбираться в боевой обстановке, в обращении с подчиненными обладает спокойствием и выдержкой, дисциплинирован и поддерживает дисциплину среди своих подчиненных, крепкого здоровья и вынослив в походной жизни, умственно развитый, любит военное дело и отдается работе всецело, кандидат РКП(б), предан рабоче-крестьянской власти.

Общее образование – торговая школа, военное образование – школа прапорщиков; пополняет свои военные познания самообразованием; приобрел за время Гражданской войны большой боевой опыт; отличный строевой начальник.

Под руководством тов. Грязнова 30-я стрелковая дивизия весьма успешно действовала на Восточном и Южном фронтах; тов. Грязнов временно командовал 5-й армией; за боевые отличия награжден орденом Красного Знамени и ценными подарками.

Вывод: соответствует занимаемой должности; после проведения через академические курсы может быть назначен на должность комвойск округа»²⁷.

Что мы видим? Начальник (командир) дивизии по своей подготовке и деловым качествам достоин руководить войсками округа! Этим сложным войсковым организмом! Такого вывода удостаивались немногие командиры дивизий. Но Август Иванович Корк, давая такую аттестацию и делая такие выводы, мог и ошибиться, подойти к личности И. К. Грязнова пристрастно. Однако трудно заподозрить в пристрастности командующего войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе, который в октябре 1922 г. (через полгода после назначения И. К. Грязнова на корпус) коротко, но емко характеризовал его: «Хороший администратор. Глубоко предан делу. Энергичен. Практический стаж достаточен для занимаемой должности. С окончанием ВАК будет хорошим комкором»²⁸.

Конечно, корпус это не дивизия: и задачи значительно сложнее, и количество подчиненных частей во много раз больше, нежели в дивизии. И не сразу можно овладеть искусством слаженно управлять этим участком войскового организма. Не сразу все получилось и у Ивана Грязнова на корпусе. В ноябре 1923 г. М. В. Фрунзе, командующий войсками Украины и Крыма, подписывает такую аттестацию на командира 7-го стрелкового корпуса И. К. Грязнова: «Прекрасный начдив, но как комкор оказался не на высоте задач. Недостаёт достаточной широты кругозора для охвата всей работы. Энергию развивает большую, видна любовь к делу и желание овладеть им. При должном руководстве и поддержке сверху с задачей справится. Должности признаю при общем недостатке в людях соответствующим»²⁹.

Свой кругозор И. К. Грязнов значительно расширил, окончив десятимесячные Высшие академические курсы (ВАК) при Военной академии РККА. После окончания ВАК он был назначен командиром и военным комиссаром 18-го стрелкового корпуса. В 1925 г. корпус передислоцируется в Сибирский военный округ (штаб корпуса в г. Иркутске).

Из аттестации на командира 18-го стрелкового корпуса И. К. Грязнова за 1925 г., подписанной командующим войсками Сибирского военного округа Н. Н. Петиним: «Энергич-

²⁷ Там же. Л. 18.

²⁸ Там же. Л. 22.

²⁹ Там же. Л. 23.

ный, с твердой волей командир. Любит военное дело. Требователен к подчиненным, но не всегда умеет подобрать хороших работников. Работоспособного штаба не создал. Отчасти по этой причине имеет тенденцию руководить частями дивизий непосредственно. Инициативен. Имеет большой боевой опыт гражданской войны. Здоровье удовлетворительное – поход вынесет. Должности командира корпуса соответствует»³⁰.

Надо особо отметить, что над «ошибками», т. е. над устранением недостатков в своей работе И. К. Грязнов работал постоянно и настойчиво. Свидетельством тому, что он хорошо знал положение дел в частях корпуса и разбирался в кадрах комсостава, тщательно подбирая им место, где они могли принести наибольшую пользу делу, является приводимое ниже письмо И. К. Грязнова на имя командующего войсками Сибирского военного округа от 3 июля 1925 г. Из этого письма можно сделать много выводов о политических, организаторских, умственных и других качествах автора письма, т. е. И. К. Грязнова. Особенно его волнует положение дел в кавалерийской бригаде.

«Тов. командующий!

Разрешите в личном письме изложить ряд моментов, касающихся корпуса.

1. Положение Ургинского дивизиона 73-го кавалерийского полка по ряду моментов нельзя признать удовлетворительным. Снабжение и довольствие кавалерийской части там весьма затруднительно и стоит больших денег. В частности, сейчас срочно ассигновать на переброску годового запаса продфуража дивизиону до 30.000 рублей, в противном случае будет упущен момент и переброска поздней осенью будет стоить значительно дороже.

Расквартирование там дивизиона как конной части также далеко неудовлетворительно. Взаимоотношения с полпредством (полномочным представительством СССР в Монголии. – *Н. Ч.*) я не могу признать нормальными, о чем я вхожу к Вам с официальным рапортом. Учеба дивизиона, конечно, стоит на весьма низком уровне; командный состав в своеобразной обстановке разбалтывается и разлагается. В результате из 9-ти сабельных эскадронов бригады целых 22 %, т. е. более 5-й части фактически как боевой единицы не существует и по существу в бригаде боеспособны только два полка. Мне неизвестны особые политические соображения, кои обуславливают необходимость там таких конных сил, как дивизион, однако я полагал бы более целесообразным держать там отдельную охранную роту, снабжение и содержание таковой стоило бы неизмеримо дешевле. Наконец, если по особым монгольским условиям нужна именно конная часть, выгоднее было бы содержать там отдельный эскадрон небольшой численности по особым штатам за счет общей нормы едоков Республики. Это в значительной степени облегчило бы положение стоящей там части и вернуло бы к боеспособности весь 73-й полк бригады. Благо, что дивизион там на полулегальном положении и однажды, с приездом какого-то китайского вельможи, его намеревались прятать.

Во всяком случае, нынче необходимо незамедлительно удовлетворить дивизион упомянутыми выше суммами на переброску и заготовку продфуража и прочих видов довольствия и дать испрашиваемую у Вас полпредством сумму в 2400 рублей на ремонт людских помещений и конюшен.

2. Как Вам известно, бригада своими договорными отношениями с «Единением» поставила себя в весьма пиковое положение в отношении поставки всех видов довольствия. Нынче ни одна организация, по-видимому, не намерена выступать поставщиком сена для бригады. Командование бригады заверяет, хотя, правда, их заверения и утверждения очень часто бывают чрезвычайно легкомысленными и безответственными, что они хорошее сено и по достаточно сходной цене могут заготовить в Монголии хозяйственным способом на всю годовую потребность. Мною приказано изучить вопрос заготовок сена со всей серьезностью. Однако, вероятнее всего, возникнет именно указанное решение. В таком слу-

³⁰ Там же. Л. 27.

чае бригаду необходимо срочно подкрепить фуражными деньгами не менее как на 75 % годовой потребности, дабы они смогли создать годовой запас и своевременно перебросить его в Верхнеудинск. Самое важное, что деньги нужны будут в наикратчайший срок, ибо в противном случае сезон сенокосения будет упущен.

3. Вопреки Вашим указаниям прод(овольственный) маг(азин) продолжал отпускать бригаде гнилого овса. Полагаю необходимым просить Вас о предании виновных суду. Подобная возмутительная безответственность, влекущая за собой и тяжелые последствия для армии и большие убытки казне, достойна высокого возмездия.

4. Вопрос о подыскании надлежащего начальника Бурятской школы желательно разрешить в кратчайший срок. Я приказал теперь же заместить весь негодный состав школы работниками наилучшей квалификации и к осени постепенно провести бурятизацию всего обслуживающего состава, ибо на этой почве возникают нездоровые тенденции к антагонизму и национальной розни.

Желательно как можно скорее продвинуть вопрос о выделении денег на покупку лошадей для школы. Это самое больное место, в значительной степени смазывающее интерес личного состава и общественного национального мнения к этому важному и совершенно новому начинанию.

Затем, тов. командующий, в интересах дальнейшего развертывания бурятских национальных формирований очень важно теперь же озаботиться подготовкой и среднего командного состава. Внутри школы несколько очень дельных товарищей, коих было бы крайне желательно послать в нормальные кавалерийские школы, бригаде предоставлено всего лишь три места. Естественно, что этого и для самой бригады мало и выделить для школы даже одно место трудно. А было бы желательно послать человека 4–6. Большая просьба добиться особого увеличения наряда на четыре места для школы.

По национальным навыкам выгоднее школу посадить на казачье седло – просьба укомплектовать школу на 100 % казачьим снаряжением целиком; по сведениям таковое в окружающих складах (Омск) имеется.

5. Хотя вопрос с Турчаниновым в данный момент не имеет особой остроты, однако все же следовало бы как можно скорее разрешить этот вопрос.

Теперь с начальником штаба. Если Центр не даст кандидата на эту должность высшей квалификации, я считал бы наиболее верным назначить на эту должность Писарева. Обстоятельство, что он был комбригом этой бригады при условии, что во главе бригады будет стоять высокий политический авторитет Зубавина, не будет иметь никаких дурных последствий в вопросе столкновения «авторитетов».

Вторым не менее ценным кандидатом будет Погребов. Он имеет большой строевой стаж, был наштадивом и наштабригом кавалерийских, хорошо развит и знает военное дело вообще и, в частности, кавалерийскую службу до тонкостей. Однако и тот и другой могут быть назначены на этот пост только при условии, что во главе бригады будет стоять не Турчанинов.

6. Теперь вопрос с 36-й дивизией.

Положение с Самсоновым Вам известно. Во всяком случае необходимо, чтобы он в дивизию не возвращался. Онуфриев выдвигает вместо него Кокина. Я, со своей стороны, вполне согласен с этой кандидатурой и на днях буду поддерживать ее перед Вами официальным рапортом. В таком случае первым кандидатом вместо Кокина встал бы Тестов или Филин.

7. Не имея ответа на телеграмму мою о Писареве, вынужден остановить еще раз Ваше внимание на этом вопросе. Вам Писарев прекрасно известен. Работник он очень и очень не первоклассный. Моральная оценка его также не особенно высока. Годится ли он в начальники оперативной части пограничного корпуса, стоящего на основном и важнейшем опера-

ционном направлении для Востока? Конечно, нет. Эта работа требует большого умственного кругозора, больших методических навыков, солидного служебного штабного стажа и ряд прочих специфических внутренних черт в характере и проч. Конечно, не всякий строевой начальник, какой угодно высокой должностной квалификации окажется способным выполнять эту специфическую работу. А тем более Писарев, который приехал сюда, по-видимому, главным образом потому, что у него живет здесь семья. Для штаба корпуса начальник оперативной части квинтэссенция всего аппарата, и, безусловно, желательное замещение этой должности лицами достаточно высокой служебной квалификации. Это особенно важно сейчас, когда весь аппарат оперативной части и без того заново укомплектован строевыми работниками (Тестов и Вриони), не имеющими ни малейшего штабного опыта. А тут еще и начальник части ученик на этой работе. Теперь Ермаков едет на ВАК. Логвиненко также намечается к командированию. Стало быть, Писареву придется выполнять и обязанности наштака. Само собой разумеется, что такое положение не выдерживает критики. Каков же выход: Писарев все же знает кавалерийское дело достаточно прилично. Опыт командования кавалерийскими соединениями у него большой. Надо полагать, что начальником штаба бригады он будет удовлетворительным.

Во всяком случае, начальником оперативной части штаба корпуса необходимо иметь работника иного склада и иной квалификации в области этой специальной службы. На крайний случай Никитин или помощник начальника оперативной части Рябцев лучше подойдут на эту работу.

8. Последний вопрос о кандидатах на ВАК.

Я особо настойчиво просил о помещении на ВАК из начальников управления корпуса Сивкова и Бандина. Логинова полагал желательным послать туда, но при отсутствии к тому возможности считал необходимым его послать на курсы усовершенствования военно-хозяйственных работников.

Вами приняты кандидатуры Бандина и Логинова. Сивков отвергнут. Между тем как он, как строевой и боевой работник по своему служебному положению более нуждается в прохождении ВАКа, чем начальник снабжения корпуса.

Почему, если бы удалось кандидатуру тов. Логинова перенести на курсы усовершенствования военно-хозяйственных работников при Военно-хозяйственной академии, Сивкова надо послать на ВАК, тем более, из него может быть не только хороший артиллерийский, но и общевойсковой начальник. Однако за счет полного снятия кандидатуры Логинова этого делать, независимо от приведенных мотивов, все же не следует.

С тов. приветом И. Грязнов»³¹.

Прочитав это письмо, снова и снова приходишь к выводу, что правы были соответствующие начальники, когда молодому начдиву И. К. Грязнову (ему было только двадцать четыре года) допускали возможность доверить командование войсками военного округа. Какой широкий оперативный кругозор, какая забота о порученном участке дела, какое умение разбираться в людях! Талантливый самородок! Но округ он получит под свое начало только в 1935 г. – Забайкальский военный округ.

По содержанию данного письма следует сделать некоторые пояснения:

Урга – так тогда называлась столица МНР (ныне г. Улан-Батор).

Верхнеудинск – современный Улан-Удэ.

Зубавин Н. П. – командир 5-й отдельной кавалерийской бригады.

Турчанинов М. А. – бывший командир той же бригады.

Онуфриев И. А. – командир 36-й стрелковой дивизии.

Ермаков Н. П. – начальник штаба 18-го стрелкового корпуса.

³¹ Там же. Л. 10–12.

Тестов С. В. – старший помощник начальника оперативной части штаба 18-го стрелкового корпуса. С апреля 1931 г. – командир 10-й стрелковой дивизии. В конце того же года переведен в ВВС РККА. Занимал должности командира авиационной бригады и бомбардировочного корпуса. С октября 1937 г. – начальник штаба ВВС РККА. Репрессирован в 1938.

Логинов И. М. – начальник части военно-хозяйственного снабжения того же корпуса. В годы Великой Отечественной войны – начальник тыла ряда фронтов, генерал-лейтенант.

Бандин А. П. – корпусной инженер того же корпуса. С апреля 1936 г. – помощник начальника Инженерного управления РККА по оборонному строительству. С февраля 1937 г. – начальник инженеров морского берегового строительства Управления Морских Сил РККА. Репрессирован в 1937 г.

Сивков А. К. – начальник артиллерии того же корпуса. перед Великой Отечественной войной – военный атташе при полномочном представительстве СССР в США, начальник Артиллерийской академии РККА. В годы войны – командующий артиллерией Северо-Кавказского фронта, генерал-лейтенант артиллерии. Погиб в 1943 г.

Приведем еще несколько документов, характеризующих личность И. К. Грязнова. Они подписаны известными стране и армии военачальниками, под началом которых Ивану Кенсариновичу приходилось работать и учиться. Бывший Главком Вооруженных сил Республики И. И. Вацетис на КУВНАС при Военной академии имени М. В. Фрунзе руководил группой, в которой учился И. К. Грязнов. Вот что он отмечал в его выпускной характеристике:

«Тов. Грязнов обладает хорошей военно-научной подготовкой и большим боевым опытом. Он прибыл на КУВНАС (повторно) с определенно усвоенной им методологией по ведению занятий по тактической и штабной подготовке. Двухмесячная работа в специальном направлении в области тактики и штабной службы развили до совершенства его блестящие педагогические способности. Активность, инициатива, быстрота действий, тактичность и корректное отношение к товарищам – как к равным, так и нижестоящим по должности, – все перечисленные качества тов. Грязнова являются отличительными чертами характера этого богато одаренного корпусного командира.

Уставы и наставления знает отлично. Методология ведения военной игры как по тактике, так и по штабной службе усвоена им в совершенстве.

Есть все основания предполагать, что тов. Грязнов, работая неустанно над своим образованием, будет в состоянии руководить тактической подготовкой подчиненных на более высоком, против ныне занимаемого, служебном посту»³².

Более высокие посты потом у И. К. Грязнова были. Вот как в декабре 1932 г. характеризует своего заместителя начальник Управления механизации и моторизации РККА И. А. Халепский:

«Тов. Грязнов весьма способный культурный и растущий боевой командир. Тов. Грязнов систематически продолжает работать над углублением и развитием своего оперативного кругозора. В течение последнего года с исключительным упорством и энергией работал над собой по практическим и теоретическим вопросам оперативного и тактического применения механизированных и танковых соединений и частей. Результатом этого явилось непосредственное участие тов. Грязнова в разработке и написании уставов и наставлений для механизированных и танковых войск.

Личные качества: человек сильной воли, хороший организатор, прекрасный методист в деле постановки занятий с комсоставом и войсками, среди подчиненных пользуется уваже-

³² Там же. Л. 17.

нием, прекрасный товарищ. Как член партии безукоризнен. Занимаемой должности вполне соответствует»³³.

Комкор И. К. Грязнов арестован 15 августа 1937 г. на посту командующего войсками Среднеазиатского военного округа. Военной коллегией 29 июля 1938 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Определением Военной коллегии от 5 мая 1956 г. реабилитирован.

Писатель Лев Разгон в книге «Непридуманное» в главе «Военные» дает свои оценки тем кадрам РККА, которые встречались на его жизненном пути, таком тернистом и многострадальном. С этими оценками можно соглашаться или не соглашаться, но это свидетельство современника, имеющего право на свое личное мнение. Приведем фрагмент из этого повествования.

«Говоря о драме своего поколения, я думаю о том, что в беллетристике прошлого пышно называлось «крушением идеалов». На наших глазах гибли боги, которых мы – как это и положено по нашему материалистическому мировоззрению – сами создали. Под «богами» я разумею не идеи и не застывшие великие личности прошлого, а наших современников, живых, совершенно реальных людей.

Для моего поколения (я, конечно, говорю о том слое, представителем которого я был) такими живыми «богами» были политики, поднявшиеся на иерархическую ступеньку «вождей» и «соратников», и те, кто именовались героями гражданской войны. Удивительно, что, несмотря на наш искренний демократизм, мы никогда не подозревали в героизме рядовых участников гражданской войны. Нет, в героях у нас ходили только военачальники! Конечно, наше восхищение вызывал любой человек, у которого на гимнастерке, френче, толстовке, пиджаке был приколот орден Красного Знамени – очень редкая тогда награда. Но, вспоминая сейчас прошлое, я отчетливо понимаю, что в разряд героев у нас входили люди только от комбрига и выше. Признание нами их божественной сущности было искренним. С политиками дело обстояло несколько сложнее. Уж очень быстро мы начинали понимать, что политики – боги еще более приземленные, чем мы, простые и грешные люди... они мелко плутуют, отказываются от своих слов и обещаний, занимаются интригами и подсиживанием... На наших глазах множество «богов» неохотно, но быстро слезало с божественной горы и отправлялось в низину. Парторгами заводов, управляющими курортами, директорами музеев.

С военными этого не случалось. Даже уходя в отставку, они продолжали оставаться нашими героями. Да что говорить. Ими любовались люди поумнее нас, позорче, чем мы.

Ах, как нравился Тимошенко Бабелю! С каким наслаждением он рисовал «красоту гигантского его тела..., ордена, вколотые в грудь».

Мне не пришлось лично знать угрюмого, туповатого и неудачливого маршала Тимошенко, который с беспомощным отчаянием смотрел, как крошечные отряды финских егерей громят наши большие соединения; как немецкие танковые дивизии отрезают, уничтожают и берут в плен целые армии фронта, которым он командовал. Из наркомов, из главнокомандующих, из маршалов он ушел в ничто, в неизвестность, на страницы скучных, никем не читаемых монографий и диссертаций. И остался навсегда в русской литературе живым, веселым и пленительным Савицким, изображенным Бабелем не только с живым интересом, но и с нескрываемой любовью. Я не знал ни начдива шесть, ни народного комиссара обороны и не могу поверять героя моей любимой книги реальным человеком.

А вот «прославленного Книгу» я знал. И довольно хорошо. В годы моей жизни в Ставрополе бывший адъютант командира ставропольских партизан, а ныне начальник управления крайпищепрома Иван Иванович Иванько решил написать книгу о Гражданской войне

³³ Там же. Л. 49.

и нанял меня в «литературные негры». Для этого он меня познакомил с генерал-майором в отставке Василием Ивановичем Книгой. И я много дней провел в особнячке бывшего командира ставропольских партизан, а затем прославленного Бабелем начдива.

Василий Иванович был суетливый человечек невысокого роста, даже дома ходивший хоть в подштанниках, но с генеральскими погонами. У него была молодайка жена, огромный сад, необхватный огород, коровы, гуси, куры, свинки и подсвинки. Кроме того, раз в месяц он садился в свою личную машину и личный шофер возил его по тем ставропольским колхозам, которые носили его имя. Оттуда, вслед за его трофейным «хорхом», шел колхозный грузовичок, полный подарков – щедрот обильной ставропольской земли.

В пренебрежительном забвении, в котором он пребывал, ему льстил интерес к нему человека, которого Иван Иванович ему представил как «московского писателя». Отдав хозяйственные распоряжения, он меня усаживал за стол, наливал в чашку саксонского фарфора водку, настоящую на чесноке, ошарашивал ее и, поглаживая потрясающей красоты усы, начинал рассказывать. О Гражданской войне, да и вообще о всякой другой войне, он рассказывать не то что не любил, а не умел, «мы тут как врезали им!.. А потом мы их порубили!.. Ну, мы от них драпали, пока кони не пристали. Тут пришлось драться.... Интереснее всего были его рассказы о том, как он был гостем у царя. Василий Иванович Книга был первым георгиевским кавалером на Юго-Западном фронте, а знаменитый Козьма Крючков на Западном. Обоих привезли на целую неделю к царю...

Гражданская война не оставила у Василия Ивановича таких ярких воспоминаний. А о Великой Отечественной он вспоминать и вовсе не любил. ...Да и то сказать... Во время знаменито-несчастной операции на Крымском полуострове Книге поручили командовать конницей, которую зачем-то согнали туда видимо-невидимо. Обрадованные немцы двинули на наши конные дивизии танки. Василий Иванович – как это он делал раньше – построил свою дивизию в ранжир, выехал вперед, скомандовал: «Шашки вон!» – и кинулся на танки... Его – легко раненного – удалось вывезти на кукурузнике. А конница вся полегла под гусеницами немецких танков. После этого было приказано самим Верховным – Книгу близко к фронту не подпускать. И до конца войны остался он только генерал-майором и матерно крыл более удачливых товарищей. А Верховный Книгу не расстрелял, не разжаловал, я этому уже тогда не удивлялся, знал по рассказам моих товарищей по Первому лагпункту о том, что служба в Первой Конной давала особые преимущества.

Но сколько я ни всматривался в своего занятого, суетного собеседника, я в нем не мог опознать и тени того, что делало его живой легендой в глазах Бабеля, в наших глазах, даже в глазах тех, кому он был знаком главным образом своими поборами. Ну, был не очень умный, глубоко невежественный, но лично храбрый человек, который в глазах Верховного обладал главным достоинством – он мог ему доверять. Такой – приказ выполнит, хотя бы это был приказ зарезать мать родную...»³⁴

Недалеко от В. И. Книги ушел и другой выходец из Первой Конной армии – Иван Васильевич Селиванов, командовавший в 1933–1934 гг. 6-й Чонгарской кавалерийской дивизией. Из воспоминаний генерала армии А. Т. Стученко, занимавшего тогда в штабе этой дивизии должность начальника оперативного отделения. «...Это была колоритная личность. На царской службе он был кузнецом в коннице. С первых дней революции боролся за Советскую власть, объясняя это просто: «Советская власть и коммунисты против буржуев, значит, я за Советскую власть». Воевал храбро. За подвиги в гражданскую войну был награжден двумя орденами Красного Знамени. Продвигался по служебной лестнице. А грамота, культура остались прежними. Разговаривать с Селивановым было невозможно: мы не понимали его, а он нас. Все его руководство сводилось к подписыванию бумаг. Но нести ему доку-

³⁴ Лев Разгон. Непридуманное. М., 1991. С. 32–34.

мент на подпись было пыткой: комдив читал по слогам. Ф. К. Корженевич (начальник штаба дивизии. – *Н. Ч.*) обычно посылал с документами меня. Селиванов к этому привык и почти никогда не звал начальника штаба, а кричал:

- Стученко, бежи ко мне, подпишу тебе бумажки! Бывало и так:
- Стученко! Напиши бумажку Ворошилову Клименту.
- Какую бумажку?
- Напиши, пусть шлет нам побольше винтовок с намушниками.
- Слушаю, сейчас напишу.
- Только живо, и мне давай на подпись.

Приношу обоснованно составленный документ – вдвоем с Корженевичем голову ломали.

- Позвольте, прочту. – предлагаю я, зная способности Селиванова к чтению.
- Читай.

Прослушал он, что мы сочинили, и смотрит на меня, сердито двигая верхней губой с коротко подстриженными усами.

- И шо ты тут напысав?.. Шо наговорыв? Пиши, як я говорю.

И начнет диктовать:

«Здорово, дорогой Климент!

Пишет тебе Селиванов Иван – комдив 6-й Чонгарской.

Пришли на дивизию винтовок с намушниками, а то мушки сильно бьются в конном строю».

Через несколько минут приношу на подпись продиктованное письмо, Селиванов подписывает. Прихожу к Корженевичу и показываю ему творение комдива.

- Давай-ка наш вариант. Его пошлем. Я сам подпишу за комдива. А это брось в корзину.

Управлял дивизией фактически начштаба Ф. К. Корженевич – умница и хороший организатор...»³⁵

Иван Васильевич Селиванов после 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии командовал 6-й Узбекской (впоследствии 19-й) горнокавалерийской дивизией. С августа 1939 г. – командир 30-го стрелкового корпуса. В 1940 г. получил звание генерал-лейтенанта. В июле – августе 1941 г. исполнял обязанности заместителя командующего 29-й армией. Арестован 23 ноября 1941 г. Особым совещанием при НКВД СССР 13 февраля 1942 г. по обвинению в проведении агитации пораженческого характера приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 23 февраля 1942 г. Определением Военной коллегии от 4 сентября 1954 г. реабилитирован.

³⁵ Стученко А. Т. Завидная наша судьба. М.: Воениздат, 1968. С. 57–58.

По чину и заслугам

Уже к концу Гражданской войны сложилась достаточно стройная система аттестования, подбора и назначения командно-политических и иных кадров Красной Армии. После Гражданской войны эта система продолжала совершенствоваться, приобретая все более устойчивый и упорядоченный вид. Но повседневная жизнь всегда вносила свои коррективы, в том числе в эту область человеческих отношений. Связку «начальник-подчиненный» нельзя рассматривать как нечто застывшее, постоянное – здесь всегда есть место трениям, недовольству, взаимным претензиям. Часто подчиненные были недовольны содержанием их аттестаций и особенно выводами, сделанными их начальниками. Все это служило поводом для жалоб в высшие служебные инстанции, в политические и партийные органы, вплоть до Наркома обороны и Политуправления РККА. Приведем несколько примеров на этот счет.

Но сначала немного о другом – о служебных категориях и воинских званиях. До 1935 г., т. е. до введения в Красной Армии персональных воинских званий, там существовали служебные категории и соответствующие им знаки различия (на петлицах, рукавах) – для среднего командно-политического состава это были кубики, для старшего – прямоугольники («шпалы»), для высшего (элиты) – ромбы. Объектом нашего повествования является высший командно-начальствующий состав Красной Армии, и количество ромбов на его петлицах и рукавах определяло ту или иную служебную категорию. Для командного состава элиты категория обозначалась буквой «К» и соответствующей цифрой (от 10 до 13) – К-10 (один ромб на петлицах), К-11 (два ромба), К-12 (три ромба), К-13 (четыре ромба). Для высшего политсостава (командно-политического состава) это были соответственно КП-10, КП-11, КП-12, КП-13. Оклад денежного содержания этих военнослужащих зависел не только от занимаемой должности, но и от присвоенной служебной категории, которая определялась тому или иному лицу при его назначении на должность приказом Наркома обороны (часто с учетом его заслуг, известности в стране и армии, наград, близости к окружению Наркома и т. д., а также выводов последней аттестации). Вот эти самые выводы нередко и служили предметом недовольства и жалоб со стороны подчиненных – они считали себя незаслуженно обиженными, обойденными, приводя в свою защиту массу доводов. Нередко справедливых и убедительных.

Читая содержание аттестаций, служебных характеристик, различных отзывов о работе и службе, подписанных различными начальниками одному и тому же человеку, видишь, как часто они (аттестации, характеристики) резко отличаются друг от друга. Хотя временной промежуток между их написанием совсем небольшой. Все это во многом говорит о степени личных взаимоотношений между людьми, в которых нередко преобладали такие свойства характера, как зависть, нежелание считаться с мнением другого, пусть даже не симпатичного тебе человека.

Покажем это на нескольких примерах. В качестве первого примера возьмем комбрига В. И. Микулина. Имя этого незаурядного военачальника РККА в 30-е годы прошлого века хорошо знали ее командиры-кавалеристы. И вот почему. Дело в том, что Владимир Иосифович Микулин в годы Гражданской войны и после нее командовал кавалерийской бригадой и дивизией, а в 30-х гг. работал помощником инспектора кавалерии РККА (у С. М. Буденного). С 1936 г. и до своего ареста в июне 1937 г. он возглавлял в Новочеркасске знаменитые ККУКС (Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава), через которые прошли многие командиры среднего и старшего звена советской кавалерии.

Это был всесторонне образованный человек. Люди, встречавшиеся с ним, надолго сохраняли добрую память о нем. Полковник в отставке И. В. Дубинский, ставший известным советским писателем, служивший с В. И. Микулиным некоторое время в червонном казаче-

стве, так характеризует эту незаурядную личность: «...До Отечественной войны, не было, пожалуй, ни одного командира, который бы не слышал о большом знатоке конницы – Микулине. Он участвовал в создании боевого устава кавалерии, разработал основы войсковой разведки и по этой теме дал армии отличный художественный фильм «В тылу врага». Весь начсостав конницы носил очень удобное и практичное «снаряжение Микулина».

...Из всех первоклассных знатоков конного дела, должно быть, самый утонченный попал в наши ряды. Владимир Иосифович Микулин, пройдя в царской армии путь от корнета до подполковника, командовал бригадой под Перекопом и во время боев за Галицию летом 1920 года.

Вот тогда я очень хорошо изучил этого замечательного воина и человека. С командармом он мог свободно потолковать о тонкостях оперативного искусства; с командиром боевой сотни – о службе завесы и дальней разведки; с берейтором – об особенностях школы Филлиса; молодого сигналиста мог научить подавать все боевые сигналы, а молодого кузнеца – как подковать лошадь с хрупким копытом»³⁶.

Когда работа по душе, тогда она и спорится, тогда есть весомые результаты, отдача от проделанного. С ноября 1922 г. и до сентября 1923 г. В. И. Микулин командовал отдельной Кавказской кавалерийской бригадой. Что это за время? А время было сложное, неспокойное – на Кавказе только что прошла советизация республик, еще не подавлены все очаги сопротивления, то там, то здесь вспыхивали новые восстания местного населения, недовольного политикой местных правителей и центральной власти. И Владимир Микулин твердой рукой наводил порядок, выполняя приказы командования Отдельной Кавказской армии (ОКА). Вот что написано об этом в служебной аттестации на В. И. Микулина, подписанной в мае 1923 г. командующим войсками ОКА А. И. Егоровым и членом РВС армии Ш. З. Элиава: «Огромной силы воли, энергии. Всегда решителен и обладает весьма широкой инициативой. В высшей степени находчивый, сообразительный. Во всякой самой сложной обстановке легко разбирается, чутко анализируя таковую и принимая ясное и определенное решение. Упорен и настойчив до конца. Всегда расчет, точность и аккуратность. Обращение с подчиненными нормальное. Уважение и авторитет большие. Образцово дисциплинирован, выдержан, вежлив и тактичен. Часть твердо держит в руках. Здоровье вполне выносит всякую походную и боевую обстановку. Склад ума чрезвычайно подвижный, гибкий. Критика и анализ – основные свойства его умственного мышления. К работе относится с полным вниманием, усердием и рвением. Советской власти вполне предан. Общая и техническая подготовка хорошие. Огромный боевой и служебный опыт и стаж применяет в работе с редким умением и четкостью. Военное дело весьма любит. Развит прекрасно и беспрестанно следит за ходом развития военной мысли. Кавалер ордена Красного Знамени. Известный красный командир кавалерии всей красной конницы. Спортсмен и большой знаток коня.

Считаю тов. Микулина, как уже командовавшего дивизией, в данное время вполне достойным внеочередного (последнее слово подчеркнуто А. И. Егоровым. – *Н. Ч.*) выдвижения на должность командира кавалерийского корпуса».

Александр Ильич Егоров дал прекрасную и объективную характеристику качеств и свойств В. И. Микулина. Самое главное, что объективную, не забыв упомянуть особенности характера и склонности его натуры. Это делает честь данному полководцу (Егорову), что он так хорошо разбирается в людях и подходит к ним не формально, по-казенному, а по-человечески.

Совсем другое мы видим в другой аттестации на В. И. Микулина, написанной спустя два года, когда он исполнял обязанности начальника штаба 3-го кавалерийского корпуса в Западном (Белорусском) военном округе. За эти два прошедших года Владимир Иоси-

³⁶ *Илья Дубинский. Портреты и силуэты. Киев, «Днипро», 1982. С. 188, 191.*

фович успел поучиться на Высших академических курсах (ВАК) при Военной академии РККА, а также поработать в должности для особых поручений при инспекции кавалерии РККА. С октября 1924 г. В. И. Микулин – начальник штаба 3-го кавалерийского корпуса. Значит, выводы аттестации 1923 г. были не реализованы и этот знаток конницы не стал командиром корпуса, а только начальником штаба. Конечно, ему было досадно и обидно, что его способности, талант организатора не используются в полной мере. Можно допустить, что В. И. Микулин считал, что на 3-й кавалерийский корпус поставят его, а не С. К. Тимошенко, воспитанника Первой Конной армии. Возможно, этим антагонизмом, борьбой за первенство в кавалерии «буденовцев» с «примаковцами» и объясняются строки из служебной аттестации, подписанной в ноябре 1925 г. его непосредственным начальником – командиром 3-го кавалерийского корпуса С. К. Тимошенко. По своему содержанию эта аттестация в корне отличается от предыдущей: «Знаю тов. Микулина мало и дать полную характеристику не могу.

Как человек очень не глупый и хитрый. Внешне дисциплинирован, исполнительный, но в работе недостаточно аккуратен. Требовать исполнения от своих подчиненных разумно не умеет. Сам хорошо подготовлен во всех отношениях, но передавать свои знания полностью в повседневной жизни своим подчиненным не умеет. Разумной инициативой не обладает, но как хорошо владеющий пером хватается за чужие мысли, и, главным образом, с его стороны проявляется интерес, когда труд оценивается материально.

Политически недостаточно развит и к этому особого интереса не питает.

Решительность проявляет, но неуверенно, ввиду незаинтересованности повседневной жизнью армии и делом, непосредственно на него возложенным.

Как начальник штаба корпуса с хорошей стороны себя не проявил и жизнью частей корпуса совсем не интересуется. Объясняется это тем, что желание его сводится быть строевым командиром.

По своему характеру тов. Микулин больше подходит на должность преподавателя, чем начальника штаба или командира дивизии. Причем тов. Микулин очень склонен к личным счетам и личной ненависти, что по занимаемой им должности очень портит общему делу».

Ну, а что же вышестоящие начальники, утверждавшие последнюю аттестацию? Как они оценивали деятельность В. И. Микулина на посту начальника штаба корпуса, как реагировали на перечень недостатков, указанных комкором Тимошенко? В деле есть резолюция начальника штаба Западного военного округа А. И. Кука от 26 ноября 1925 г.: «Энергичный, умственно весьма развит. Кавалерийское дело знает хорошо. Формально относится к служебной переписке и не всегда уясняет суть распоряжений; склонен к излишним, не вызываемым обстоятельствами, запросам, оттягивая этим исполнение распоряжений и заданий. В военно-научной работе участие принимает, активнейший литератор. Должности начальника штаба корпуса соответствует. Может командовать кавал(ерийской) дивизией».

Что тут скажешь? На служебном пути каждого военачальника встречается много разных командиров с их различной подготовкой, интеллектом, понятиями о чести, достоинстве и такте. И с каждым приходится общаться, работать, решая круг самых разнообразных задач по обучению и воспитанию войск, их бытовому и культурному обеспечению. И не всегда взгляды на тот или иной вопрос у начальника и подчиненного совпадали. Не говоря уже о деталях!

Отношения между Владимиром Микулиным и Семеном Тимошенко не сложились сразу. И это нашло свое отражение и в годы мирной учебы (см. приведенную выше служебную аттестацию), так и в годы суровых испытаний 30-х годов. Микулин, будучи в заключении, неоднократно посылал письма в различные инстанции, в том числе С. К. Тимошенко,

который в 1940 г. стал Наркомом обороны СССР и Маршалом Советского Союза, напоминая о их совместной службе и прося использовать его опыт и знания на пользу военного дела и укрепления боеготовности войск Красной Армии. А как мы знаем, опыт этот был весьма значительный. Но Семен Константинович не считал возможным откликнуться на слезные просьбы своего бывшего начальника штаба. Не в пример Г. К. Жукову, тоже кавалеристу, который в годы Великой Отечественной войны сделал все возможное, чтобы помочь своему бывшему начальнику штаба по 57-му стрелковому корпусу (в Монголии) комбригу А. М. Куцеву выбраться из лагеря и использовать его с максимальной пользой для общего дела по разгрому врага (Куцев стал начальником штаба армии, генералом и Героем Советского Союза). С В. И. Микулиным такого не случилось. Хотя после победы над Финляндией в 1940 г. С. К. Тимошенко имел большой авторитет как в стране, так и среди руководства партии и правительства. Как же! Победитель Финляндии! Герой и Маршал! Что ему стоило замолвить (там, где надо!) словечко за несчастного заключенного! Уверен, что такие удобные моменты для свершения доброго дела в жизни последнего были и не раз. Но такие деяния не свершились, и В. И. Микулин тянул до конца срока лямку заключенного, хотя неоднократно в годы войны с фашистской Германией обращался с просьбой направить его на фронт даже в качестве рядового бойца.

Однако особую обиду Владимир Микулин испытывал во время следствия не на Тимошенко, а на своего бывшего коллегу по Военной академии имени М. В. Фрунзе и инспекции кавалерии РККА И. Д. Косогова, который в 1937 г. (накануне своего ареста) в звании командира командовал 4-м кавалерийским корпусом. Косогов дал на В. И. Микулина «развернутые показания», которые тот продолжал опровергать много лет спустя и после своего освобождения.

Так, в феврале 1955 г. он писал в Главную военную прокуратуру: «...я хочу привлечь Ваше внимание к одному из показаний Косогова, относящемуся непосредственно к моему делу.

В этом показании Косогов утверждал, не более не менее, как-то, что я был тесно связан по контрреволюционным делам с ныне покойным, а тогда еще здравствовавшим Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым, по заданиям которого, как возглавлявшего какую-то организацию, я, будто бы, насаждал какие-то офицерские организации в частях Белорусского военного округа в период моей работы там...»

И еще: «Я до сего времени не могу без смеха вспоминать о том, как я, по заявлению не то того же Косогова, не то Баторского (комкор М. А. Баторской до назначения В. И. Микулина был начальником тех же ККУКС в Новочеркасске. – Н. Ч.)... собирался формировать казачью конную рать в Азово-Черноморском крае для свержения там с ее помощью Советской власти. Формирование это, по заявлению “свидетеля”, мыслилось на базе использования материальной части и оружия кружков конного спорта Осоавиахима; лошади должны были быть захвачены у военных конных заводов, которых было много на территории Азово-Черноморья. Получалось очень гладко и правдоподобно. Но при этом были забыты некоторые существенные “мелочи”: за счет всех кружков Осоавиахима, вместе взятых, можно было бы собрать в лучшем случае каких-нибудь 100–150 старых седел, притом кавалерийского образца. На которые ни один казак никогда бы не сел, так как они не умеют ездить на таких седлах. В части оружия у кружков имелось лишь некоторое количество старых шашек для рубки лозы, винтовок не было вовсе. Что же касается лошадей, то на конных заводах содержались в основном лишь табуны совершенно диких, по существу, животных, которые людей и близко не подпускали, не говоря уже о том, чтобы дать себя оседлать и позволить на себя сесть. Можно легко представить себе, как выглядела бы казачья “конная

рать”, сформированная на такой базе и какие у нее могли быть шансы “свергнуть советскую власть”...»³⁷

³⁷ Архив Главной военной прокуратуры (АГВП). НП 36067–38. Л. 330–332.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.